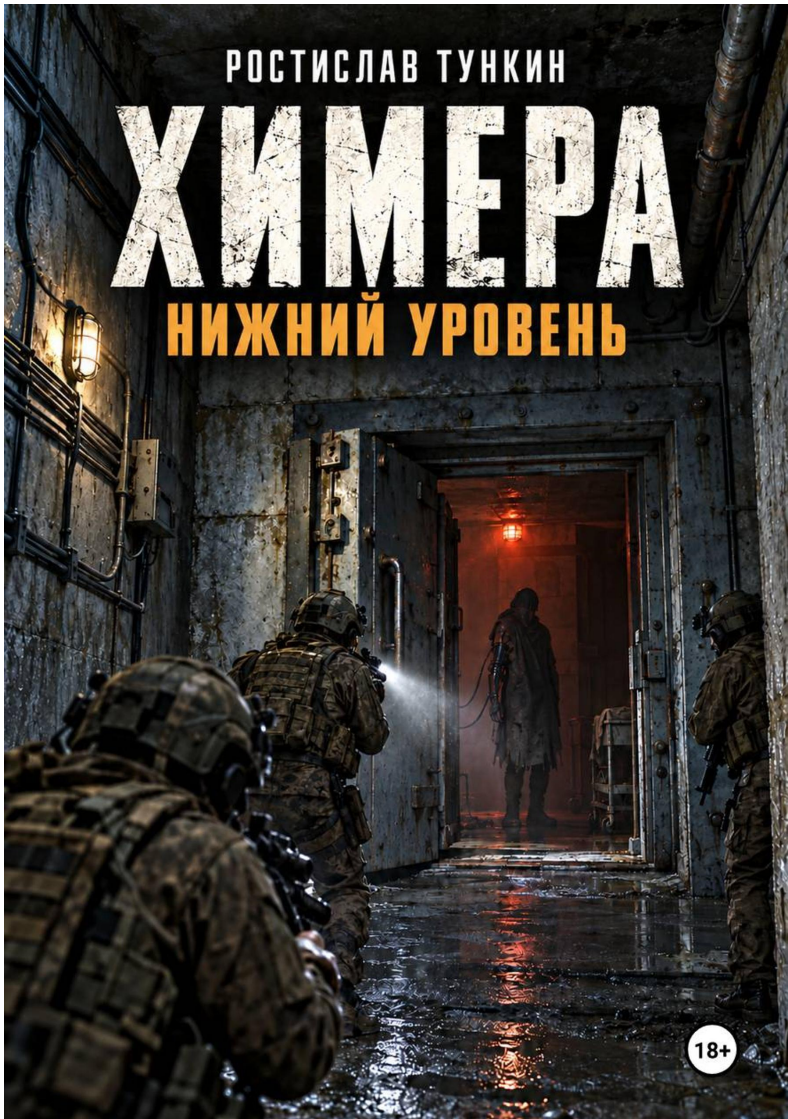


РОСТИСЛАВ ТУНКИН

ХИМЕРА

НИЖНИЙ УРОВЕНЬ



18+

Ростислав Тункин

Химера. Нижний уровень

<https://litres.ru/74690627>

SelfPub; 2026

Аннотация

Выжженная земля, туман и перекрёстный огонь артиллерии. Российская разведгруппа капитана Серова пытается вынести тяжелораненого бойца и ныряет в бетонный зев старого заброшенного бункера, которого нет на картах. Новая серия взрывов заваливает вход: пути на поверхность отрезаны, патроны на исходе, а единственный шанс выжить — идти вглубь. В полумраке коридоров Серов натывается на следы пропавшего отряда «Барс» своего лучшего друга Лазарева. И жетон с его именем. С другой стороны в комплекс спускается ЧВК Мартина Келлера. По документам это вызов на ЧП в частной биоклинике. Но вместо врачей наемников встречают пустые палаты с фиксаторами, а из темноты бьет существо с неестественной пластикой и металлическими шинами под кожей. Оно носит лицо их собственного бойца, погибшего две недели назад. Здесь мертвых солдат переплавляют в оружие. За спиной захлопываются гермошлюзы, оператор стирает улики, а наверху уже ждет борт ликвидации.

Содержание

Часть I. Отход	4
Глава 1. Последнее сообщение	4
Глава 2. До следующего выхода	16
Глава 3. Маршрут меняется	27
Глава 4. Старый вход	40
Часть II. Укрытие	50
Глава 5. Под землёй	50
Глава 6. Вызов по договору	59
Глава 7. Прежней дороги нет	69
Глава 8. Работающий воздух	80
Часть III. Не вернулись	95
Глава 9. Разрешённая зона	95
Глава 10. Тот, кого оставили	108
Глава 11. После выстрелов	120
Глава 12. Следы внутри	133
Часть IV. Общий проход	146
Глава 13. Чужой провод	146
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Ростислав Тункин

Химера. Нижний уровень

Часть I. Отход

Глава 1. Последнее сообщение

Без десяти шесть над балкой начал проступать гребень. Внизу ещё стояла темень — лесополоса сливалась с руслом пересохшего ручья, — а небо над ней уже посерело. Серов лежал на мёрзлой стерне, подсунув под грудь свёрнутый коврик, и в который раз ловил себя на том, что различает дорогу на том склоне. Стоило задержать на ней взгляд — и дорога снова рассыпалась на пятна. Он опустил оптику, дал глазам отдохнуть. Холод за это время успел пройти сквозь коврик и добраться до груди.

К полудню они должны были вернуться. Четыре с небольшим километра, две точки наблюдения: глянуть, кто и с чем ходит по направлению, да подтвердить обратный маршрут. Ни объекта, ни пленных. Ещё на выходе Серов поймал себя на том, что мысленно уже вернулся на пункт. Теперь он заново, метр за метром, прошёл глазами всю полосу, которую предстояло пересечь восьмерым. Дольше всего смотрел ту-

да, где им идти дважды — на обратном пути, уже по свету.

В двух метрах левее шевельнулась Беседина. Она лежала за невысоким валом давно выкорчеванных пней, и Серов видел только спину в маскировочной накидке, локоть да край бинокля. Бинокль она держала двумя руками, на землю не опускала — так держат вещь, которую жалко пачкать. Ручной тепловизор висел у неё на шнурке под подбородком; в сумерках она включала его коротко и скупно, будто заранее считала заряд.

— Насосная, — сказала она негромко, не поворачивая головы. — Командир, у насосной навал. Слева от будки, к дороге.

Серов поднял оптику. Насосная стояла в восьмистах метрах, у развилки старой грунтовки: кирпичная будка без крыши, ржавая труба, бетонный лоток, по которому давно не текла вода. В сообщении поддержки, принятом в четыре сорок, значилось: движения с вечера нет, грунтовка свободна, развилка не занята. Эту строчку Серов помнил наизусть — на ней держался весь их спуск к ручью.

Теперь слева от будки темнела куча земли, которой на вчерашнем снимке не было. Навал закрывал от них половину дороги. Серов сдвинул оптику вправо, вернул к будке. Земля никуда не делась. По нижнему краю насыпи белел иней, выше всё было чёрное.

— Что видишь.

Беседина не отрывалась от развилки. Заговорила медлен-

нее, чем обычно.

— Навал земли, примерно по пояс, метров пятнадцать в длину. Колею, которая уходит за навал и с той стороны не выходит. Правая половина развилки мне открыта, левая — нет.

— Что думаешь.

— Думаю, колея свежая. Думаю, навал за ночь насыпали. Только свежесть колеи я отсюда не вижу. Иней на ней такой же, как везде.

— Вот, — сказал Серов. — Значит, участок не свободен и не занят. Он закрыт.

Брод на карте никуда не делся: ниже насосной, у камыша, в трёхстах метрах от развилки. Серов провёл по нему пальцем, хотя маршрут давно помнил. Спустились они туда — и люди один за другим уйдут за насыпь. Из посадки он уже не увидит ни того, кто вышел на дорогу, ни того, кто его там встретит. И с того берега не помотришь, не высунувшись.

Он убрал карту. Обход к тригопункту съест время, к броду было бы быстрее. Руденко за спиной ждал и вопросов не задавал.

— Брод отменяем, — сказал Серов, не оборачиваясь, и знал, что Руденко уже кивнул. — Идём на высотку с тригопунктом, оттуда левая сторона целиком открывается. Шатов.

Шатов подполз, волоча станцию на коротком ремне, как волокут ведро, чтобы не громыкнуло. Ему было двадцать семь, а подползал он к командиру до сих пор с таким лицом,

будто его вызвали по поводу неисправности.

— Передавай: на развилке у насосной новое земляное сооружение, левая часть дороги не просматривается, занятость не подтверждена и не исключена. Меняем точку на высоту сто девяносто два. Время смены — шесть ноль пять.

Шатов повторил вполголоса, слово в слово. На «не подтверждена и не исключена» споткнулся, глянул на Серова и повторил ещё раз, уже в гарнитуру. Пока он передавал, Серов смотрел на насосную. Земляная полоса загоразивала дорогу точно так же, как минуту назад, только теперь за ней всё время мерещилось движение. Он заставил себя смотреть на неподвижный край кирпичной стены.

— Отправил, — сказал Шатов и почти сразу, с досадой: — Отправил, а квитанции нет.

— Повтори.

— Повторяю.

С третьей попытки пришёл короткий двойной сигнал. Шатов выдохнул и только тогда начал сматывать кабель. Серов ещё несколько секунд прислушивался к затихшему наушнику, словно оттуда могли что-нибудь добавить к принятому. Больше ничего не пришло.

На смену точки ушло двенадцать минут. Шли по дну лесополосы, вдоль старой межевой канавы, пригибаясь там, где деревья редели. Иней хрустел так, что за каждый шаг хотелось извиниться. На одном повороте ремень станции зацепился за сухую ветку акации; у Шатова были заняты обе ру-

ки, он замер, не решаясь рвануть. Крылов, шедший следом, молча отцепил ремень, придержал ветку, пока связист проходил, и опустил её аккуратно, чтобы не хлестнула назад. Шатов даже не обернулся — не заметил. Крылов, похоже, на это и рассчитывал.

У поворота, где посадка ломалась под прямым углом и можно было на минуту встать, не показываясь ни с одной стороны, Руденко поднял руку, и группа легла.

Серов воспользовался паузой. Командирский терминал — плоский, тяжёлый, в резиновом чехле — висел у него на груди под накидкой; связь с пунктом давал медленно, кусками, но давал. Утреннее сообщение так и осталось открытым под картой. Перечитывать было незачем: Серов помнил каждую строчку и знал, что с первого раза в ней ничего не изменилось. И всё-таки сдвинул карту. Над текстом стояло его имя и пометка «лично».

Писал дежурный по пункту капитан Гаврилов — человек аккуратный и неловкий во всём, что не касалось бумаги. «Серову лично. Звонила Лазарева Наталья, жена. Ей в части сказали, что транспортный наряд по „Барсу“ закрыт. Спрашивает: значит, ребята вернулись? Просила передать тебе, раз ты в курсе. Что ей ответить?»

Наряд действительно закрыли. Серов знал это лучше Гаврилова: неделю назад, вернувшись с прошлого выхода, он полдня дозванивался до транспортников, чтобы выяснить, что стоит за этой отметкой. Ответ уложился в три фразы.

Машину, высадившую «Барс» четырнадцать дней назад, в тот же день пригнали обратно. Пригнал её другой водитель — штатного сняли на другую задачу. Наряд закрыли, потому что техника вернулась в парк, а больше от наряда ничего и не требовалось.

Восемь человек, которые сошли с этой машины, не вернулись. Наряд про это ничего не знал и знать не был обязан. Его закрыли честно.

Серов упёрся локтем в землю и перечитал вопрос Натальи. Хорошее она уже услышала: машину вернули, наряд закрыли. Ему предстояло это хорошее у неё отнять и ничего не дать взамен. Он представил, как Гаврилов будет читать ей ответ по телефону со своими вечными паузами, и захотелось выругаться. Только на кого — так и не придумал. Гаврилов правильно сделал, что спросил.

Печатать в перчатке было неудобно, он стирал и набирал заново.

«Гаврилов. Передай дословно: наряд закрыт, потому что машина вернулась в парк после высадки. Ребят в ней не было. Связи с группой нет четырнадцать дней. Больше пока ничего не известно. Позвоню сам, когда вернусь».

Перечитал, стёр «пока» — и усталился на то, что получилось. «Больше ничего не известно». Вот так он ей и скажет, когда вернётся? Вернул слово на место. Палец задел соседнюю букву, пришлось исправлять ещё раз. Отправил и не сразу убрал терминал: Наталья могла ответить прямо сейчас.

Андрей Лазарев не выходил на связь две недели. Серов знал его пятнадцать лет и давно привык, что Лазарев объявляется, когда сочтёт нужным, и ни минутой раньше. Но две недели — это было больше, чем «не счёл нужным». За такой срок у семьи кончаются объяснения, а у сослуживцев — шутки.

— Командир, — сказала Беседина у плеча. — С высоты сейчас видно будет.

Он сунул терминал под накидку и пошёл за ней.

Высота сто девяносто два полого поднималась к бетонному тригопункту, облупленному, в рыжем лишайнике. Беседина выбрала промоину чуть ниже и правее знака, где склон прятал силуэт; Серов лёг рядом. Отсюда развилка открывалась почти целиком: будка, лоток, навал, а за навалом — то, чего снизу было не видно. Пусто. Колея уходила за насыпь и обрывалась у бетонной плиты, положенной поперёк дороги. Старая плита или новая — отсюда не разберёшь.

Светало медленно, без солнца. Небо над гребнем стало цвета разбавленного молока, лесополоса внизу из чёрной сделалась бурой, и в ней проступили отдельные стволы, поваленная опора ЛЭП, провод, свисающий с неё петлёй до самой земли. Где-то далеко справа, за горизонтом, глухо ударило — раз, другой. Серов, не поворачивая головы, отметил направление и время и больше к этому не возвращался: не их, и далеко.

Беседина, проверяя сектор, повела тепловизором дальше

на север, за поле, куда маршрут вообще не шёл. Задержалась. Опустила прибор, посмотрела глазами, подняла снова.

— Командир. Север, за полем. Бугор, длинный, в кустах. Метров тысяча двести.

Серов нашёл его в оптике: пологий бурый горб в шиповнике, таких вокруг десятков. На карте — одна горизонталь.

— Вижу.

— На макушке, справа от куста, пятно без инея. Круглое, метра два. Кругом всё белое, а там трава мокрая, тёмная. В приборе оно светлее склона. Как крышка теплотрассы.

Серов смотрел. В оптику пятно едва угадывалось — тёмная проплешина на сером склоне. Ни дыма, ни пара. Хотел спросить, не скотина ли там ночью лежала, и не спросил: скотина оставила бы пятно, а не ровный круг, и снизу бы не гре-
ла.

— Люди?

— Людей нет. Просто земля там тёплая. Ровно. Не меняется.

— Отметь время и место. Не наше. Работаем развилку.

Беседина черкнула карандашом на манжете и вернулась к насосной. Серов ещё секунду подержал оптику на бугре. Пятно было там, где на карте не значилось ничего. Он отвёл оптику.

За спиной Руденко обходил людей. До Серова долетали короткие вопросы, шорох ремней, ворчание Мухина; кого-то заместитель заставил ответить по второму разу — не рас-

слышал. Серов мог спокойно смотреть на развилку: всё, что творилось за спиной, Руденко сейчас соберёт по порядку и ничего не упустит.

Семь автоматов АК-12 — у всех, кроме Мухина, — по семь магазинов на брата, в подсумках на поясе и на груди. У Мухина ПКМ с коробом на сотню, остальная лента раскидана по людям: часть у самого Руденко, часть у Крылова, часть у Волкова — тому вечно доставалось больше всех, потому что он вечно больше всех и просил. Беседина тащила оптику и тепловизор. Зорина — расширенную медицинскую сумку, тяжёлую, неудобную, которую никому не доверяла, даже на подъёме. Шатов — станцию и запасные аккумуляторы. Вода, сухпай на сутки, активные наушники, у каждого фонарь, у каждого жгут на одном и том же месте, чтобы чужая рука нашла вслепую.

— Гвоздь, — сказал Руденко где-то позади. — Короб на месте, а крышка?

— Крышка на месте, — проворчал Мухин. — Крышка всегда на месте. Это ты вечно не на месте.

— Я на месте. Я у тебя за спиной.

— Вот и я про то.

Крылов прыснул в рукав и сразу затих. Серов не обернулся. Он и так знал, как они лежат: Мухин с пулемётом на сошках у корня одинокой груши, Крылов на шаг правее, прикрывает ему сектор, Волков на обратном скате, Зорина рядом с Шатовым, чтобы не бегать к нему, если что. На мгновение

взгляд зацепился за медицинскую сумку: Зорина подтягивала её к себе, освобождая место под локоть Шатову. Потом снова дорога. До полудня — эту часть приказа пока никто не отменял.

— Командир, — сказала Беседина. Голос не стал громче, но сделался уже и точнее, как прицельная марка. — Движение. Грунтовка, от лесополосы к развилке. Не с нашей стороны.

Серов поднял оптику. Сначала ничего, потом — не люди даже, а перемена в тени у края дальней посадки: тень там вдруг оказалась гуще, чем положено. Из неё вышли двое. Пешие. Шли по бровке вдоль колеи, не торопясь, на расстоянии друг от друга.

— Двое, — сказала Беседина. — Оба с оружием. Идут к развилке. — И через секунду: — Третий. За ними. Несёт что-то длинное. Не вижу что.

Шесть восемнадцать. Последнему сообщению поддержки было уже больше полутора часов. Серов посмотрел за третьим: край посадки снова стал ровным, больше оттуда никто не выходил.

Можно было поднять группу прямо сейчас. Только на обратном пути всё равно пришлось бы разбираться, кто эти трое и что им надо у дороги, — и разбираться уже с худшего места. А здесь пока были и обзор, и отход по обратному скату. Серов нашёл взглядом Руденко и подождал, пока тот повернётся.

— Слушай, — сказал он, не повышая голоса, и знал, что Руденко передаст тем, кто не слышит. — Работаем с этой точки. Мне нужны три вещи: сколько их всего, куда идут, встанут ли у насосной. Беседина смотрит, я дублирую. Остальным не отвечивать. Гвоздь держит развилку, огонь только по команде. Если повернут к балке, на нашу дорогу назад, — сворачиваемся и уходим вторым маршрутом. Если к шести сорока не будет ответа на все три вопроса — тоже сворачиваемся. Полной ясности не ждём.

— Понял, шесть сорок, — сказал Руденко. И тише, только ему: — Хорошо, что время назвал.

Серов не ответил. Он смотрел, как третий выходит из тени. Длинное, что тот нёс на плече, оказалось трубой — или стволом, отсюда не разобрать, — а первые двое дошли до насыпи и присели, будто заранее сговорились.

Терминал под накидкой коротко дрогнул. Серов не стал бы смотреть, если б не догадывался, от кого; догадывался — и глянул краем глаза, на полсекунды.

«Гаврилов: передал. Она просит сказать тебе: „Спасибо, Рома. Про машину я поняла. А сам ты что думаешь?“»

«А сам ты что думаешь?» Слова ещё стояли перед глазами, когда рядом затихло дыхание Бесединой. Он сунул терминал под накидку. Беседина подалась вперёд, прижала бинокль к бровям; Серов снова поднял оптику и поймал в ней третьего у насыпи.

— Есть, — сказала она. — Встали. Третий ставит трубу

на треногу и разворачивает на балку. На нашу дорогу назад.
Командир, это не проход. Это пост.

Глава 2. До следующего выхода

В шесть тридцать три у насосной появился четвёртый. Поставил за навалом ящик и больше оттуда не показывался. Двое устроились у развилки. Третий стоял за треногой: труба оказалась оптикой — большой, старомодной, объективом вдоль балки. Человек нагибался к ней, выпрямлялся, нагибался снова. Осматривал тот самый склон, по которому группе к полудню подниматься.

Беседина продолжала смотреть. Серов выждал ещё несколько секунд, хотя всё, ради чего оставались, уже получил. На дороге никто не появился; объектив смотрел на балку.

— Уходим на второй, — сказал он. — Тихо, обратным скатом. Беседина последняя, держит развилку, пока не скроемся.

Второй маршрут уходил с высоты на север, к заброшенному саду, и дальше низиной — к точке, где их должны были подобрать. Он был на полтора километра длиннее и хуже просматривался, зато обходил насосную стороной. Шатов передал смену маршрута, дождался квитанции и только тогда поднялся с земли.

Спускались по одному, с интервалом, прижимаясь к склону. Северный скат оказался сырее южного — солнце сюда и летом не заглядывало, — под инеем раскисала скользкая,

перетоптанная скотом глина. Ботинки уходили в неё по рант и выходили с чмоканьем, оглушительным в тишине. Мухин на спуске дважды поехал вниз вместе с пулемётом и оба раза удержался, выставив приклад, как лыжник палку. Зорина, шедшая за ним, молча взяла правее, на траву, и на третий раз сама съехала на боку метра на два, прижимая к себе сумку. Через четыреста метров вошли в неглубокую складку: у одного края тёрн, у другого плоский камень, а за перегибом склона пропала насосная. Руденко поднял руку. Серов оглянулся: люди уже опускались на колени, Мухин придерживал болтающийся короб. Лёг и сам, почувствовал, как отпустило ремни на плечах, — и только сейчас понял, как туго затянул их перед спуском.

Мухин сразу перевернулся на бок и полез в короб: на спуске крышка разболталась и на каждом шаге постукивала — тихо, но ровно, как метроном. Подтянул ремешок, проверил ленту, недовольно хмыкнул и подтянул ещё. Крылов тем временем снимал с Волкова скатку маскировочной сети, которая сползла на спуске и колотила инженера по бедру. Волков отнекивался; Крылов, не споря, перецепил сеть себе на рюкзак и лёг, будто так и было.

Руденко прошёл по краю складки, присел у тёрна и посмотрел назад, на гребень, с которого они ушли.

— Северный склон закрыт, — сказал он, вернувшись. — Если кто пойдёт по нашему следу, увидим только на гребне. Беседина, тебе оттуда видно?

— Гребень вижу. Что за ним — нет.

— Вот и смотри гребень. Волков — обратное направление, на сад.

Волков развернулся к саду, Беседина выбрала место у тёрна. Руденко на Серова не смотрел, подтверждения не ждал. закончил и лёг рядом, оставив между ними место под карту.

Он стянул левую перчатку и достал жвачку. Пошуршал обёрткой, пожевал, глядя в небо.

— Рома, — сказал он потом. — Мне до пятницы ответ нужен.

Серов посмотрел на него. Руденко лежал на локте и ждал. Три недели назад они уже начинали этот разговор в курилке у столовой; с тех пор каждый раз находилось дело, которое никак не могло подождать. В учебном центре открылась должность старшего инструктора — пополнение, полигон, расписание. Руденко позвали по имени. Ответ им был нужен в пятницу, и тянуть дальше пятницы Серову было уже нечем.

Знал он и то, о чём Руденко прямо не говорил. Жена его, Оксана, сцен никогда не устраивала и уйти со службы не просила. Она просто однажды повесила на холодильник большой календарь и стала обводить красным дни, когда муж дома, а синим — когда нет. К концу лета синего набралось вдвое больше. Сын пошёл во второй класс, а на линейку отец не попал. Руденко рассказал про календарь как анекдот, со смехом, и Серов тогда тоже посмеялся. А потом долго пом-

нил, как заместитель, досказав, на секунду перестал улыбаться — будто споткнулся о собственную шутку.

— Я не разрешения спрашиваю, — сказал Руденко. — Я спрашиваю, отпустишь ли ты меня после этого периода. Если нет — так им и скажу, и закроем тему.

— Подожди, — сказал Серов. — Давай по порядку. Уходишь ты — мне нужен зам. Шатов связист, его не трогаем. Волков... Волков нормальный, но он инженер, он будет думать про двери, когда надо думать про людей. Значит, со стороны. Значит, месяц притирки минимум, а у нас в декабре...

На декабре стало легче. Декабрь был расписан, людей там правда не хватало — можно открыть план и показать. Серов уже потянулся к нагрудному карману, хотя никакого плана с собой не брал. Руденко всё это время смотрел в небо и медленно жевал.

— Рома, — сказал он, когда Серов остановился вдохнуть. — Ты мне сейчас рассказываешь, кем меня заменить.

— Я рассказываю, как это будет.

— Ты рассказываешь, как это будет у тебя. А я спросил, отпустишь ли. Это другой вопрос. Ты меня даже не спросил, хочу ли я на самом деле.

Серов уставился на гребень. Хотелось сказать: нашёл время. Хотелось спросить, кто выведет людей, если самого Серова снимут на первом же подъёме. Руденко услышал бы и то и другое правильно: как просьбу остаться, которую командир опять выдаёт за приказ. Серов сцепил пальцы. Сказать

«уходи» тоже не получалось. Слишком ясно он видел чужого человека на этом месте — рядом, когда решать надо быстро и некогда объяснять почему.

— А ты хочешь? — спросил он, и вышло суше, чем хотелось.

Руденко открыл было рот, но тут Мухин с другого края складки сказал:

— Командир, у меня лента на правом звене цепляет. Гляну — минута.

— Гляди, — сказал Серов и обрадовался этому сильнее, чем следовало. — Руденко, проверь, у кого вторая банка с лентой, чтоб в саду не искать.

— Знаю я, у кого, — сказал Руденко, но всё-таки приподнялся. Похоже, и ему эта минута пришлась кстати.

Он стянул вторую перчатку, правую, и Серов, как всегда в таких случаях, мельком увидел шрам. Старый, белый, неровный: начинался на тыльной стороне ладони, между костяшками указательного и среднего, загибался к запястью и уходил вверх по предплечью крюком, похожим на кочергу. По краям ещё различались точки от швов — редкие, кривые, будто шили в темноте. Лейтенантом Руденко сорвался на учениях с натянутой колючки; рассказывал об этом один раз, коротко и без интереса, и больше не возвращался. Шрам стал такой же частью его руки, как обручальное кольцо. На выходах кольцо висело у него на шнурке под футболкой.

Пока он перекладывал банку с лентой из одного подсумка

в другой, Крылов перегнулся через Шатова и протянул Зориной свёрнутый кусок чистой бязи.

— Елена Сергеевна. У вас сумка в глине.

Зорина глянула на сумку. На спуске она съехала по мокрому склону, и боковой карман, где лежали жгуты и бинты в упаковках, был в рыжей грязи до самой молнии.

— Откуда у тебя чистое?

— Лишнее взял. Всегда беру.

Зорина вытерла молнию, раскрыла карман, проверила упаковки, вытащила из складки грязный комок и только тогда вернула бязь.

— Спасибо, Крылов.

Он уже отвернулся к своему сектору и взял тряпку не глядя. Зорина на секунду придержала его руку, чтобы грязная сторона не легла на перчатку. Крылов неловко перехватил комок и сунул в карман.

Мухин тем временем справился с лентой, перевернулся на спину, расстегнул нагрудный карман и вытащил сложенный вчетверо пакет с застёжкой.

— Гвоздь, ты чего, — сказал Волков, не оборачиваясь.

— Пусть командир глянет. Командир, вы ж разбираетесь.

В пакете была распечатка — цветная, паршивенькая, с домашнего принтера: голая кухня, стены под штукатурку, вывод воды, розетки на разной высоте, по полу мелом размечены какие-то линии. Поверх шариковой ручкой мелко выведены размеры.

— Столешницу заказывать, — объяснил Мухин. — Мужик сказал: до сантиметра, иначе не возьмётся. А я вот думаю — под мойку шестьдесят оставлять или восемьдесят. Жена говорит восемьдесят, а я говорю — на хрена ей восемьдесят, мы ж не столовая.

Серов взял пакет за чистый угол. В кухнях он не понимал ничего — свою оставил вместе с квартирой. На снимке белели два вывода воды; между ними Мухин втиснул мелкие цифры и одну обвёл, чтобы не перепутать. Серов провёл пальцем по плёнке. Мухин терпеливо ждал, будто здесь, в глине, командир и вправду мог уберечь его от дорогой ошибки.

— Восемьдесят, — сказал Серов. — Жена права.

— И вы туда же, — расстроился Мухин.

Зорина тихо засмеялась — впервые за утро.

Серов вернул пакет и отвернулся к гребню. Пустая кухня с выводами воды ещё секунду стояла перед глазами. Лазарев в своё время принёс ему чайник — даже не спросив, есть ли куда поставить.

Когда Серов разводился, ему было тридцать два, и единственное, что он умел хорошо, — это работать. Всё остальное умела жена, а когда она ушла, оказалось, что у него нет ни посуды, ни дивана, ни малейшего понятия, где покупают шторы. Лазарев пришёл в первую же субботу после того, как Серов съехал в однушку на окраине. Ни о чём не спросил — ни как он, ни что случилось, ни кто виноват. Принёс две

сумки — кастрюли, полотенца, электрический чайник — и сказал: «У тебя на балконе шкаф стоит. Давай занесём, пока не отсырел».

Шкаф был старый, лакированный, тяжелее, чем казался. Дотащили до середины комнаты и сели на пол передохнуть. Серов, чтобы не молчать, вспомнил ночной выход двухлетней давности. Тогда пропал боец из соседнего взвода, и Серов держал свою группу в поиске лишние сорок минут, хотя приказ был отходить, — а бойца к тому времени давно нашли другие. Серов считал, что поступил правильно, и рассказал это как пример: лучше перестраховаться.

Лазарев выслушал и сказал, глядя на шкаф:

— Последние двадцать минут ты искал уже не его.

— А кого?

— Себя. Чтоб оказаться правым. Ты же знал, что его, скорее всего, нашли, — по связи слышал. Но тебе надо было, чтоб нашёл его ты.

Серов тогда разозлился так, что слова застряли. Он и сейчас помнил эту злость — горячую, обиженную, на человека, который принёс ему чайник. Лазарев смягчать ничего не стал. Встал, правой рукой дважды коротко стукнул себя по левому предплечью, чуть выше часов — тук-тук, как стучат в дверь, проверяя, заперто ли, — взялся за угол шкафа и сказал: «Взяли».

Этот жест Серов потом видел сотни раз: перед подъёмом, перед прыжком, перед тем как первым войти в дверь. Сам

Лазарев, кажется, его не замечал. А тот разговор у шкафа Серов ещё долго прокручивал, находя ответы получше того молчания. Через полгода, ночью, один, дошёл до тех последних двадцати минут — и больше ответа не нашёл. Лежал в темноте и слушал, как гудит новый холодильник.

Потом они ещё не раз встречались и говорили о другом. Что согласен, Серов так и не сказал.

— Командир, — позвал Шатов. — Поддержка. Точку подбора меняют.

Серов поднял голову. Руденко был рядом; Шатов лежал у его локтя, палец на гарнитуре. На щеке у связиста отпечаталась мокрая травинка.

— Читай.

— «Точка подбора переносится. Старая по-прежнему не рекомендуется. Новая — у разрушенной фермы в низине, полтора километра восточнее сада. Время без изменений. Подтвердите». — Шатов поднял глаза. — Подтверждать?

Серов достал карту, сверил. Ферма в низине лежала дальше от насосной, чем сад, и это было хорошо. Но между садом и фермой тянулась открытая лощина, а с востока к ней подходила лесополоса, про которую поддержка не написала ни слова — ни что свободна, ни что занята. Значит, поддержка её не видела. Значит, ферму выбрали по карте, а не по наблюдению.

— Подтверждай приём. Добавь: лесополоса восточнее фермы нами не наблюдалась, состояние неизвестно. Пусть

посмотрят, если могут. Выдвигаемся через пять минут.

Шатов передал, дождался квитанции и выдохнул.

Руденко уже натянул перчатки. Ленту переложил так, чтобы банку можно было достать, не снимая рюкзака. Поднимать людей не пошёл — остался рядом с Серовым и смотрел ему в лицо.

— Так когда договорим? Про центр.

Серов мог бы назвать ещё одну причину подождать: новая точка, неизвестная лесополоса, чужой пост за спиной. Руденко знал всё это не хуже. Они смотрели друг на друга, и первым глаза опустил Серов.

— После выхода. Вернёмся — договорим.

— После выхода, — повторил Руденко и смахнул перчаткой глину с локтя. — Ладно.

Он отвернулся и начал поднимать людей — жестами, по одному, начиная с дальних. Мухин закинул ПКМ на плечо и по-стариковски охнул, Крылов поправил чужую сеть у себя на рюкзаке, Зорина застегнула вычищенный карман.

Беседина у тёрна не шевелилась. Гребень всё это время оставался пустым, и перед выходом она, как всегда, повела бинокль по маршруту — правее, на северо-восток, туда, где за садом начиналась низина. Волков, смотревший туда же без оптики, ничего не заметил. Бинокль остановился и больше не двигался.

— Командир, — сказала она тихо, и все в складке замерли раньше, чем она договорила. — Сад. Дальний край, у дороги.

Люди. Трое, нет — четверо. С оружием. Стоят там, куда нам выходить.

Мухин медленно снял ПКМ с плеча и лёг обратно.

Серов поймал взгляд Руденко, но тот уже смотрел на сад. У тёрна тихо щёлкнуло: Беседина поправила упор бинокля. Теперь все ждали от Серова одного и того же, и он знал, что должен сделать.

Он подполз к ней и поднял оптику.

Глава 3. Маршрут меняется

Противника целиком Беседина не видела. Она видела куски.

Двое у дальнего края сада, возле поваленного забора из рабицы, курили, пряча огонёк в ладонях. Третий сидел на корточках у кирпичного столба ворот — от него торчали только спина да приклад над плечом. Четвёртого она нашла по дыханию: короткий белый выдох раз в несколько секунд поднимался из канавы вдоль дороги, как дымок над чайником, и под ним угадывался лежащий человек. Тепловизор подтвердил: четыре тёплых пятна, одно совсем низко. Дальше стволы, густые, спутанные ветки. Она вернулась к биноклю и ещё раз провела им от забора до ворот. Того, в канаве, теперь легко было потерять — он опустил голову, и пар над краем не поднимался. Беседина дождалась следующего выдоха и только тогда доложила.

— Четверо, все с оружием. Двое у забора, один у ворот, один в канаве вдоль дороги. Смотрят на дорогу, на нас нет. Что за садом — не вижу. Что в самом саду — тоже, деревья мешают.

Серов лежал рядом и смотрел в свою оптику; она слышала, как он дышит — медленно, через нос, как перед выстрелом.

— Стоят или идут?

— Стоят. Двое у забора местами поменялись. За ворота никто не уходил.

— Всё, — сказал Серов. — Наблюдение закончили. Теперь не смотрим, теперь возвращаемся.

Беседина отняла бинокль от глаз. Впервые за утро можно было не выискивать следующую мелочь, и на минуту стало легче. Насосная перекрывала балку, сад — север. До новой точки у фермы пришлось бы идти по дороге прямо перед этими четырьмя. Она приподнялась на локтях и оглянулась туда, откуда пришли. Гребень пуст; только за ним тоже чужой пост.

Шатов передавал. Беседина слышала его голос — тихий, ровный, с этими его повторами, которые иногда бесили, а сейчас почему-то успокаивали: «Сад занят, повторяю, северный край сада занят, четыре человека, точку подбора считаем недоступной, прошу альтернативу». Квитанция пришла сразу. Ответ — нет.

Прошла минута. Шатов слушал, прижав гарнитуру ладонью. Беседина снова глянула на сад: двое у забора, третий у ворот, пар над канавой. Могла бы повторить доклад слово в слово. Ещё минута — от долгого упора на локти занемели пальцы. Она переставила левую руку, правую оставила под биноклем.

«Альтернативную точку уточняем. Немедленный подход в ваш район невозможен. Выходите своими силами на северо-запад, держите связь».

Шатов дочитал и посмотрел на Серова. Новой точки в общении не было.

— Своими силами, — сказал Мухин в землю. — А я-то думал, нас на такси повезут.

Никто не засмеялся.

Серов разложил карту на коленях. Беседина, не отрываясь от бинокля, слушала, как он думает вслух — коротко, для Руденко.

— Северо-запад — это овраг. От складки вдоль высоты, потом на север, к старой кошаре. От кошары до лесополосы вдоль ЛЭП открытого метров триста, дальше посадка до самой дороги, а за дорогой уже наш район. В овраге связь будет плохая. На выходе у кошары — нормальная.

— Кошару смотрели? — спросил Руденко.

— Вчера. По снимку. Пустая.

— Вчера, — повторил Руденко без нажима.

— Вчера, — согласился Серов. — Поэтому к кошаре не идём, идём мимо. Беседина со мной впереди, смотрит кошару со склона, пока остальные проходят. Пустая — проходим. Нет — не суёмся.

Северо-запад был у Бесединой за левым плечом. Она убрала бинокль под накидку, развернулась и подождала Серова.

Спуск в овраг занял три минуты. Овраг был старый, склоны затянуло терновником и шиповником, по дну, в русле ручья, тянулась цепочка луж под тонким ледком. Шли по краю,

звериной тропой, где ветки не цеплялись. Беседина шла второй, за Серовым, и смотрела вперёд, на верхнюю кромку: через полкилометра склон понижался и открывал кошару.

Кошара оказалась длинным низким сараем из самана, без крыши — стропила давно растащили на дрова, — с тремя оконными проёмами на ближней стороне и воротами в торце. Вокруг жердевой загон, местами упавший, бурьян по пояс, железная бочка у угла. Беседина легла на склоне за кустом шиповника и подняла бинокль.

Первое окно — пусто, видна противоположная стена. Второе — пусто. Третье, левое, ближе к воротам...

Она не сразу поняла, что видит. Сначала просто тёмный прямоугольник, как два других. Потом заметила, что противоположной стены в нём нет — проём темнее, потому что изнутри его что-то загораживает. Потом это что-то сдвинулось на несколько сантиметров, и у самого подоконника, низко, появилась короткая горизонтальная черта.

Ствол. Не винтовочный — короче и толще. На сошках или на мешке.

Чей — думать она не стала. Просто сказала:

— Кошара. Левое окно, у ворот. Ствол на подоконнике, смотрит вдоль оврага. В окне человек, свет закрывает. Остальные окна пустые, но за стеной не вижу.

Серов не переспросил. Вскинул оптику, две секунды — и: — Вижу. Назад в овраг. Все в овраг, ниже кромки.

Приказ ушёл по цепочке шёпотом и жестами, и Беседина

видела, как люди за спиной один за другим сползают ниже, к воде. Начала сползать и сама — и тут из кошары ударили.

Первая очередь прошла выше, по кромке, срезав верхушки шиповника над её головой. Совсем рядом захлестали ветки, пули тупо уходили в глину. К склону её прижало раньше, чем она успела решить прижаться. Наушники сработали и сплющили звук в плоский ватный хлопок.

— Контакт, кошара, левое окно! — заорал Серов уже в полный голос. — Огонь по окну!

Оторвать щёку от земли получилось не сразу. Ниже по склону уже работал Руденко — две короткие поверх кромки, — справа отозвался автомат Крылова. Беседина подняла голову ровно настолько, чтобы снова увидеть кошару. Земля липла к губам; рот у неё был открыт, и она заметила это, только вдохнув пыль.

Саман вокруг левого окна крошился под пулями, на несколько секунд проём затянуло облаком. Когда пыль начала оседать, ствола на подоконнике уже не было.

— Ствол ушёл, — сказала она. И через секунду: — Из окна ушёл. Куда — не знаю. Может перейти к другому.

Она перевела бинокль на второе окно, потом на ворота. Слева снова стало чисто, тёмный подоконник. Хотелось доложить, что там пусто. Беседина удержала кнопку гарнитуры и вернулась ко второму окну: туда можно было доползти, ни разу не показавшись.

— Не прекращать, — сказал Серов. — По окнам, по од-

ному. Не по стене.

Через десять секунд из второго окна застучал автомат — коротко. Пули пошли ниже, по склону, одна шлёпнула в глину в метре от Шатова: тот лежал у самой воды со станцией на спине и вжимался в землю так, будто хотел уйти в неё целиком.

— Второе окно, автомат, — сказала Беседина. — В левом опять движение. Их минимум двое. Может, больше.

— Гвоздь! — крикнул Серов. — Пулемёт на кромку, правее, к камню. Работай по окнам, дай нам уйти вниз по оврагу.

Мухин уже полз. Беседина видела, как он тащит ПКМ за ремень, как на крутом месте переворачивается на спину, чтобы не съехать, как ставит сошки на кромку за плоским камнем, прикрывающим его от кошары с одного бока. Лёг за пулемёт тяжело, всем телом, как ложатся в собственную кровать, — и через секунду ПКМ заговорил.

От первых очередей Беседина невольно втянула голову. Наушники резали грохот, но тяжёлые удары всё равно отдавались в челюсти. Мухин бил по пять-семь, переводя ствол с окна на окно и обратно. Над кошарой поднялась пыль. Беседина ждала вспышки в правом проёме, пока он обрабатывал левый, потом переводила взгляд вместе с ним. Ответных вспышек не было.

— Пошли, пошли! — Руденко поднимал людей. — Вниз по оврагу, к повороту, выше кромки не лезть!

Пошли. Группа стекала по дну, по колено в стоячей воде,

проламывая ледок: Зорина с сумкой, прижатой к груди, Шатов, за ним Крылов, держа связиста за лямку станции, чтобы не грохнулся на скользком, Волков с автоматом наготове, всё время оглядываясь. Мухин бил, и пока он бил, все двигались.

Потом ПКМ замолчал.

— Лента!

Беседина успела подумать, что сотня кончилась слишком быстро. Мухин уже тянул к себе новый короб; пустой качнулся на ремне и звякнул о камень. Секунд десять, если ничего не заест. Она снова глянула на окна. Пыль там оседала.

Внизу люди встали сами: пулемёт замолчал, а поворот впереди выводил прямо под окна. Руденко развернулся, увидел молчащий ПКМ и сразу переключился:

— Крылов! Сектор Гвоздя — твой! Окна!

Крылов отпустил лямку Шатова, перекатился к кромке и открыл по кошаре частый одиночный огонь. Шатов без его руки тут же поехал на скользком и встал на колени в воду. Волков, шедший замыкающим, остановился и ждал. Зорина ждала.

Надо было поднять Шатова, помочь ему выбраться на твёрдое, но Крылов стрелял, а Волков стоял за ним и не решался обойти. Беседина переводила взгляд с них на Мухина. Тот навалился на пулемёт; она увидела, как дёрнулась его рука, и задержала дыхание, ожидая первой очереди.

— Есть! — рявкнул Мухин, и ПКМ снова заговорил.

Крылов вернулся к Шатову. Группа пошла.

А потом начались разрывы.

Первый лёг далеко, за оврагом, в поле, — глухой удар, столб земли и сухой травы, звук пришёл позже вспышки. Беседина почувствовала его грудью, через склон. Второй — ближе. Третий — прямо на кромку, туда, где минуту назад лежали Руденко с Крыловым, и куст шиповника, из-за которого она смотрела на кошару, исчез вместе с куском склона, сползшим в овраг рыжей мокрой лавиной.

По накидке посыпалась земля. Беседина стряхнула её с бинокля и увидела голый край там, где только что торчал шиповник. В ушах стоял свист; она ждала, что он начнётся снова, и под ним стало трудно разбирать голоса.

— Пристреляли! — крикнул Руденко. — Уходим с поворота!

Серов уже стоял на коленях на дне оврага, по пояс укрытый склоном, с картой в одной руке и автоматом в другой.

— Поворот не держим! Новая точка — труба под грунтовкой, в конце оврага, восемьсот метров. Там бетон. Все к трубе. Гвоздь последним, после Бесединой.

Приказ пошёл назад — и не дошёл.

Руденко крикнул вниз по оврагу, Шатов повторил, Крылов кивнул. Дальше цепочка оборвалась. За выступом склона оставались Волков и Зорина; Беседина видела край её сумки, но не лицо. Сумка не двигалась. В наушнике хрипело, сквозь разрывы пробивались обрывки слов, и даже по-

второй приказ Беседина не разобрала, хотя только что слышала его целиком.

Второй раз Руденко кричать не стал. Рванул вниз по склону, по воде, тремя длинными прыжками, добежал до выступа и пропал за ним. Беседина ждала. Край сумки сдвинулся, первой из-за выступа показалась Зорина, за ней Волков — поднял руку, подтверждая. Руденко задержался, пока оба не пошли, и только потом побежал назад.

Четвёртый лёг за оврагом, ещё один — в поле. Пулемёт в кошаре молчал. Беседина водила бинокль с окна на ворота и обратно.

— Кошара молчит. Не знаю почему. Не подавлена — просто молчит.

— Понял. Гвоздь, ещё две по окнам — и за мной.

ПКМ ударил дважды. Мухин тяжело скатился в овраг с пулемётом на груди, и Беседина пошла за Серовым.

Последние триста метров оврага были изрыты старым обстрелом. В воронках стояла вода, между ними торчал ржавый обломок, похожий на лопасть, лежало поваленное дерево, через которое пришлось лезть. Волков шёл первым и выбирал дорогу: Беседина видела, как он останавливается перед каждой воронкой, высматривает, куда ступить, и идёт по краю, по твёрдому, между двух ям, где нет ни воды, ни рыхлого. Остальные — след в след. Выходило медленнее, чем бежать по дну, но по дну бежать было нельзя: в одной воронке Шатов увяз по колено и выдрался, только когда Крылов

дёрнул его за лямку.

Крылов от связиста не отходил. Автомат в правой, лямка станции в левой; у каждого нового изгиба он отпускал Шатова и поднимал голову к кромке. Шатов тут же сбавлял ход — приходилось самому выбирать, куда ставить ногу, а тяжёлая станция тянула назад. Крылов снова брал лямку, и оба шли дальше.

Беседина пыталась считать задержки. Секунд десять на ленту, около двадцати на приказ, который Руденко понёс сам; перед каждой воронкой опять стояли. Получалось слишком много. Сбилась, когда полезла через дерево: ремень бинокля ушёл под сук, и несколько секунд она дёргала его не в ту сторону. Освободила — и пошла быстрее, почти наступая Серову на пятки.

Труба под грунтовкой оказалась бетонной, круглой, в человеческий рост. Овраг упирался в насыпь и уходил под дорогу, а по обе стороны от трубы склоны поднимались к полотну. Здесь было тихо. Разрывы остались за изгибом оврага, пулемёт в кошаре больше не стрелял.

Втянулись по одному. Серов пересчитал вслух: семь ответов, восьмой он сам. Все. Никто не ранен. Зорина обвела людей глазами — быстро, как проверяют карманы перед выходом из дома. Мухин сидел у стенки трубы, поставив пулемёт между колен, и тяжело дышал.

Беседина посмотрела на свои руки и сжала пальцы. Пока слушаются. Дрожь приходит позже, минут через десять. В

юниорах она однажды после большого старта сидела в раздевалке в расстёгнутой куртке и не могла развязать шнурки. На рубеже всё вышло, а тут тонкий узел никак не давался. Тренер присел перед ней, показал, за какой конец тянуть, и сделал вид, что шнурок просто затянуло.

Это она помнила лучше, чем результат того старта. Здесь помочь было некому, да и не нужно: через несколько минут пройдёт. Только бы Серов раньше не заметил. Она представила, как в следующий раз он задержит взгляд на её руках, прежде чем отправить смотреть, — и от одной этой мысли захотелось сцепить пальцы ещё крепче. Вместо этого она их разжала.

Вытерла о рукав бинокль, хотя он был чистый, и спрятала руки под накидку.

Руденко снял с подсумка короб из той ленты, что нёс сам, и молча передал Мухину.

— Сколько осталось? — спросил Серов.

— Один на пулемёте, один вот, от Игоря, и в людях ещё на полтора, — сказал Мухин. — На раз хватит. На два — если экономно.

— Экономно.

Беседина подползла к выходу из трубы с той стороны насыпи и подняла бинокль.

Отсюда открывался вид на север — туда, куда им идти. Длинный пологий склон, наискосок перерезанный старой оросительной канавой. Канавка шла от трубы к далёкой поло-

се деревьев — и была пуста. Ни людей, ни машин, ни движения. Только кроме самой канавы укрыться было негде: голое поле, иней, редкие кочки.

— Командир. Выход из трубы — в поле. Канавка ведёт к посадке, метров четырёхста. В канавке пусто. В посадке не вижу — далеко, деревья. Справа и слева открыто.

Серов подполз и посмотрел.

— Это не та посадка. ЛЭП левее. Нас в овраге на восток утянуло.

— Да.

— Значит, маршрут меняется ещё раз.

Беседина ещё раз поискала опоры ЛЭП, хотя Серов уже сказал, что они левее. Хотелось найти хоть что-нибудь от прежнего маршрута. Впереди стояла незнакомая полоса деревьев, к ней вела одна-единственная канава, и любой, кто глянет на поле, первым делом увидит именно её.

— Шатов. Связь отсюда есть?

— Пробую.

Пока Шатов пробовал, Беседина смотрела на поле. И тогда она услышала то, чего не могла увидеть.

Справа, далеко, за склоном, за полосой деревьев, куда уходила канава, — короткая очередь. Вторая. Потом что-то тяжёлое, раскатистое, длинное, и снова очередь. Через наушники звук приходил приглушённым, но направление она различала. Северо-восток. Не кошара — кошара за спиной. Не насосная. Что-то новое, по ту сторону посадки, ровно там,

куда вела канава и куда им предстояло идти.

Она ничего не видела. Поле пустое, канава пустая, деревья неподвижны. Стреляли за ними.

— Командир. Слышу огонь. Северо-восток, за посадкой. Не по нам. Кто и по кому — не вижу.

Серов слушал вместе с ней, склонив голову.

— Понял.

Огонь за деревьями то затихал, то начинался снова. В глубине трубы Мухин переставил короб; негромкий железный стук заставил её обернуться. Свои сидели совсем рядом, под бетоном. Беседина снова посмотрела наружу. Четыреста метров открытого поля, иней на кочках, неподвижные деревья. Она ждала, что между стволами покажется человек, и прикидывала, сколько их успеет выйти из трубы, прежде чем он посмотрит на канаву.

Глава 4. Старый вход

В канаве было не выпрямиться. Бетонный лоток в метр глубиной, узкий, растрескавшийся, местами просевший; под прошлогодним бурьяном скользил ил. Серов шёл третьим, за Волковым и Бесединой. Когда она пригибалась ниже, перед ним открывался край лотка и белёсое поле над ним, и он тоже опускал голову. Через несколько шагов снова приходилось смотреть поверх её плеча: впереди замедлялись, а почему — из-за спины не видно.

Ответ поддержки Шатов принял ещё в трубе, но ответ ничего не менял: та же низина, та же лесополоса вдоль ЛЭП, тот же совет выходить своими силами. Серов принял его и повёл людей канавой — единственным, что на этом поле хоть как-то сходило за укрытие.

Стрельба за посадкой поначалу держалась там, где её слышала Беседина, — далеко, правее, чужая. Потом, когда до деревьев оставалось метров двести, сместилась. Серов не смог бы сказать, когда именно: просто очередная очередь прозвучала ближе предыдущей, следующая ударила уже у самой кромки деревьев, и над канавой с сухим свистом прошло что-то, срезавшее стебель бурьяна у его головы.

— По нам, — сказала Беседина, уже лёжа. — Край посадки, правее старой опоры. Стрелка не вижу. Вижу откуда.

— Вниз. Не высовываться. Ползком.

Поползли. Лоток был холодный и мокрый, ил под коленями вязкий, как тесто. Над краем пули шли редко, прицельно — в посадке будто ждали, когда кто-нибудь поднимется. Позади тяжело дышал Мухин, волоча ПКМ, и Руденко вполголоса подгонял Шатова.

Через сорок метров лоток обрывался: бетон просел и разошёлся, а между целыми плитами зияла яма с чёрной водой. Поперёк неё лежала упавшая плита — наклонная, скользкая, на ладонь выше края канавы. Чтобы перебраться, на две-три секунды надо было подняться над полем.

Волков перешёл первым — быстро, почти на четвереньках. За ним Беседина. Серов третьим и уже на той стороне обернулся.

Шатов застрял на плите. Станция зацепилась низом за край разошедшегося бетона, и он не мог ни продвинуться, ни лечь: стоял на четвереньках, наполовину над краем канавы, и дёргался, пытаясь освободиться.

Сзади был Крылов. Серов видел, как он, не говоря ни слова, поднялся на колено, обеими руками взялся за низ станции и приподнял её, снимая с края. Для этого пришлось выпрямиться — на ту самую ладонь выше, чем следовало.

Станция освободилась. Шатов съехал с плиты прямо Серову на руки. Крылов начал опускаться.

Голову ему коротко дёрнуло вбок, будто кто-то окликнул справа. Потом Крылов медленно, без звука, лёг на плиту лицом вниз, и одна рука свесилась над лужей.

— Крылов!

Это крикнул сзади Мухин. Серов всё ещё держал Шатова за лямку. Связист уже стоял на коленях в лотке, упирался ладонью в бетон, а Серов всё тянул его к себе. На плите не шевелилась рука. Хотелось позвать Крылова ещё раз — вместо этого он посмотрел на Зорину.

Зорина проползла по краю лужи, не поднимаясь на плиту, и дотянулась до шеи Крылова снизу, сбоку — с той стороны, которую не видно из посадки. Держала пальцы на шее; Серов ждал, что они сдвинутся, попробуют с другой стороны. Но Зорина только подняла глаза к правому краю каски и убрала руку.

— Всё, — сказала она. — Командир. Всё.

Серов кивнул. Над плитой прошла ещё одна пуля, звонко чиркнула по бетону и ушла вверх.

— Его не снять, — сказал из-за лужи Руденко. Не спрашивал. Плита открыта с посадки, Крылов лежит на ней поперёк, и чтобы стащить его, двоим пришлось бы подняться так же, как поднялся он.

— Нет. Ремень. Что достаёшь — снимай. Не поднимайся.

Руденко лёжа дотянулся до разгрузки Крылова сбоку, растянул нижний подсумок и вытащил короб ленты — тот, что Крылов нёс для Мухина. Нашупал боковой карман, вынул магазин. Автомат лежал под телом, нагрудные подсумки — тоже, прижатые к бетону. Руденко посмотрел на них, потом на Серова. Серов качнул головой. Руденко убрал руку.

Он отполз, унося короб и магазин. Место возле Крылова освободилось. Серов смотрел туда, пока Руденко не поднял на него глаза: кого пускать следующим? Серов махнул вперёд и прижался к стенке лотка, давая место. Крылов лежал поперёк плиты, головой к посадке.

Переходили по одному, низко, быстро. Последним Мухин с пулемётом — он почти переполз через ноги Крылова, и Серов слышал, как тот шёпотом матерится — длинно, бессмысленно, как молятся:

— Сука... сука, Лёха... да что ж ты, блядь...

До конца канавы оставалось метров сто пятьдесят. Там лоток уходил под старую оплывшую насыпь, заросшую кустами; Серов уже видел её, когда начались разрывы.

Как и в овраге, никто не сказал, что это. Звук был другой — тяжелее, ниже, и шёл откуда-то из-за спины, издалека. Первый лёг в поле, метрах в пятидесяти левее канавы. Второй ближе. Третий — в саму канаву, позади группы, где они проползли минуту назад.

Ударило в грудь и в спину, будто Серова огрели доской плашмя. Сверху посыпались земля, бетонная крошка, ледяная грязь. Потом в наушниках кто-то закричал, и он не сразу понял, что это Зорина.

— Мухин! Мухин ранен! Нога!

Серов развернулся. Мухин лежал на боку на дне канавы, вцепившись обеими руками в левое бедро. Пулемёт рядом. Ниже колена штанина была разорвана и быстро темнела, а

сам Мухин пытался подтянуть ногу и встать — и не мог. Нога не слушалась. Упёрся руками, приподнялся, перенёс вес — и снова рухнул лицом в ил.

— Лежать! — Зорина была уже рядом, на коленях, сумка нараспашку. — Лежать, Денис, не вставай!

— Я могу, — процедил Мухин. — Дайте руку, я могу.

— Не можешь.

Она уже затягивала жгут — выше колена, быстро, туго, — и Серов видел, как Мухин бледнеет, как сереют губы. Ещё один разрыв лёг в поле справа.

— Командир, — сказала Зорина, не поднимая головы. — Мне нужно место. Здесь не сделаю. Две минуты там, где не стреляют. И его нести.

— Я пойду, — сказал Мухин. — Уколюсь и пойду.

— Уколешься — ты не пойдёшь, а ляжешь. Командир.

Мухин смотрел на Серова и тянул к нему грязную руку. Ещё недавно он сам прикрывал их отход, а теперь просил только помочь встать. Серов присел рядом и взял его за запястье, не давая подтянуться. Пальцы под перчаткой стиснуты так, что не разжать.

— Денис. Лежи.

Мухин перестал тянуть. Серов подержал его руку ещё секунду и отдал Зориной.

— Несём. Руденко, ПКМ твой.

Руденко уже закидывал свой автомат за спину, стволом вниз, — так, чтобы не мешал, но можно было достать. Под-

нял пулемёт Мухина, отстегнул с него короб и ремень с лентой и перевесил всё на себя. Остальное — рюкзак Мухина, запасной короб, воду — Волков молча поделил между собой и Шатовым.

Зорина вытащила из сумки плащ-палатку, расстелила в канаве, и Мухина переложили на неё. Серов взялся за один угол, Волков за другой.

— Беседина первая, смотришь насыпь. Только то, что видишь. Руденко сзади, держит посадку. Шатов — связь. Пошли.

Пошли. Тащить Мухина по дну канавы было тяжело: плащ-палатка цеплялась за обломки, Мухин стонал сквозь зубы на каждой неровности, Волков с другой стороны сбибался с шага. Угол выскальзывал у Серова из ладони; он перехватывал его на ходу, а стоило ослабить хват — плащ-палатка ложилась на обломки, и Мухин стонал громче. Автомат колотил по спине. Сзади были слышны шаги Руденко, впереди виднелась Беседина — только эти двое сейчас могли ответить, если из посадки снова откроют огонь.

— Посадка молчит, — сказал Руденко. И громче, потому что Серов не ответил: — Посадка молчит, говорю!

— Понял!

— Насыпь, — сказала Беседина. — Пусто. Кусты, бетон. Людей нет. Движения нет.

Шатов пытался говорить с поддержкой. До Серова долетали обрывки:

— ...трёхсотый, один тяжёлый... двухсотый, один... к точке выйти не можем... прошу...

Ответ пришёл через минуту, и Шатов передал его, задыхаясь:

— Командир. Говорят, точку у ЛЭП подтвердить не могут. Новая — за дорогой, на северо-западе, два километра. Подход через открытый склон. Говорят — склон под наблюдением.

— Чьим?

— Не говорят. Не знают.

Серов попробовал представить этот склон. Два километра, смена несущих каждые сто метров, Мухина каждый раз опускать и поднимать. Его собственные пальцы уже не разгибались до конца. Волков на другом углу поскользнулся; Серов удержал вес, пока тот искал опору. Зорина шла рядом, склонившись к лицу раненого. Остановиться ей нужно было сейчас.

Он посмотрел на насыпь впереди. До неё ещё можно было дотащить.

— Нам нужно укрытие, — сказал он вслух. — Не точка. Укрытие. Где Зорина сможет работать. Где пересидим.

Дотасили Мухина до конца канавы. Лоток нырнул под насыпь через низкую бетонную трубу — слишком узкую для человека с носилками. За концом канавы поднимался длинный пологий бугор, похожий на старый курган, с шиповником и молодыми акациями на склонах. Кое-где сквозь дёрн

проступал серый бетон — ровный, с кромками, явно не природный.

На макушке, справа от куста шиповника, темнела круглая проплешина без инея. Серов узнал её не сразу: снизу, из канавы, она смотрелась иначе, чем в оптику с высоты. Беседина, поднимаясь по склону впереди носилок, тоже её увидела и обернулась, коротко показав подбородком. Серов поднял ладонь: помню.

Волков передал свой угол Шатову, подполз к одному из бетонных выступов и замер.

— Командир. Сюда. Глянь.

Серов отдал свой угол Зориной и подполз.

Из-под бетонного козырька, полузасыпанного землёй и корнями, торчал край стальной двери. Рыжая ржавчина почти съела зелёную краску; из бетона выпирала массивная петля. Дверь была приоткрыта на ладонь, снизу её подпирал нанос земли. Из щели тянуло сухим затхлым подвальным холодом.

— Этого на карте нет, — сказал Волков.

— Нет.

На карте было поле, канава и вот этот бугор — одной горизонталью. Никаких сооружений, никаких отметок. В сведениях, которые выдали перед выходом, этого места тоже не было.

— Свет.

Волков достал фонарь, прикрыл ладонью и посветил в

щель.

Луч ушёл внутрь и упёрся в бетонную стену метрах в двух. Справа от неё — проём, за проёмом ступени вниз: узкие, бетонные, с металлической окантовкой. До конца луч не доставал. Пол перед ступенями был засыпан мусором — листья, ветки, обрывок брезента, — но неглубоко. Стены тамбура толстые, по краям проёма — пазы, как под вторую дверь.

— Тамбур, — сказал Волков. — Защитный. Видишь пазы? Тут внутренняя створка стояла. Дальше спуск.

— Что это?

— Хрен его знает. Старое. Военное, наверно. Может, командный пункт, может, узел связи. Таких тут в прошлом веке понастроили.

— Кто внутри?

— Не знаю, — повторил Волков. Отвёл луч от ступеней и снова посветил на край двери, прикидывая, насколько её ещё можно отжать.

Серов оглянулся. Мухин лежал на плащ-палатке в конце канавы, Зорина держала его за руку, и даже отсюда было видно, как быстро он бледнеет. Беседина лежала на склоне лицом к посадке. Руденко — у её ног, с пулемётом. Шатов — возле Мухина, со станцией. Где-то за спиной, в поле, ещё раз глухо ударило.

Зорина подняла голову, поймала его взгляд и свободной рукой показала на Мухина. Серов повернулся к двери. Фонарь Волкова доставал только до верхних ступеней; ниже

свет обрывался, и оттуда не доносилось ни звука. Хотелось послать сначала одного, дожидаться доклада, осмотреть всё без спешки. Зорина стояла на коленях возле раненого в холодной грязи.

— Волков, Беседина — проверяете тамбур и спуск до первой площадки. Только смотрите, глубже не лезть. Руденко держит вход снаружи. Зорина, Шатов — готовьте Мухина. Как только тамбур чистый — заносим.

— А если не чистый? — спросил Руденко.

— Тогда думаем снова. Только лучше бы был чистый.

Волков и Беседина, пригнувшись, подобрались к щели. Волков упёрся плечом в край двери и надавил. Ржавая петля коротко, тихо скрипнула, полотно сдвинулось ещё на ладонь, сгребая землю. Холодный воздух вытек наружу, и Серов почувствовал его лицом: мокрый бетон, старая пыль и что-то ещё, едва уловимое, сладковатое. То самое, что принёс ветер на высоте.

Беседина вошла первой — автомат у плеча, фонарь под цевьём. Волков за ней.

Серов придержал дверь, чтобы не поехала обратно, и обернулся к раненому. Зорина уже собирала сумку. Шатов подбирал углы плащ-палатки; Мухин лежал неподвижно, с открытыми глазами. Что внутри — ещё никто не знал, а люди уже готовились туда идти.

Свет фонаря Бесединой качнулся на ступенях, ушёл вниз и пропал за поворотом стены.

Часть II. Укрытие

Глава 5. Под землёй

Восемнадцать ступеней вниз, площадка, ещё девять и поворот. Зорина сосчитала их, пока спускалась спиной вперёд, держа ноги Мухина вместе с нижним краем плащ-палатки. Сверху его держали Серов и Волков, и каждая ступень была для троих отдельным решением: куда поставить ногу, на сколько опустить, не задеть бы голенью бетонный край. Мухин молчал. Стонать он перестал ещё на первой площадке и теперь только дышал — коротко, со свистом, сквозь зубы.

Внизу начинался коридор. Беседина с Волковым проверили его до второй двери: пусто. Зорина слушала доклад, продолжая держать ноги Мухина, — ей нужно было другое слово, «ставим». Край плащ-палатки врезался в пальцы, а ментам хват на лестнице она не решалась. Коридор был узкий, бетонный, потолок низкий, по нему тянулись пустые крюки под кабель. На стене выцветшей красной краской по трафарету: «ВХОД № 2» и стрелка назад, к лестнице. Ниже, мельче: «ФВУ» и стрелка вперёд. Пахло сухой пылью и старой известкой. Сладковатый запах, который она почуяла наверху, здесь почти пропал.

Первая дверь слева вела в комнату три на четыре. Го-

лые стены, металлический стол, привинченный к полу, лавка вдоль стены, на лавке истлевший ватник. Над столом пустая рамка без стекла. Зорина глянула на кривые ножки лавки, на ровную столешницу и сразу повернулась к Серову.

— Сюда. На стол.

Стол был ледяной, зато ровный — работать можно, не стоя на коленях. Мухина переложили. Шатов поставил на лавку фонарь отражателем в потолок, комната наполнилась рассеянным белым светом, и лицо пулемётчика стало будто вылепленным из воска.

Зорина разрезала штанину до бедра и посмотрела.

Разрезанную ткань она придержала, чтобы не легла обратно на рану. Волков у стола перестал шевелиться. Зорина на него не глянула: после таких пауз всегда хочется сказать, что бывает хуже. Бывает. Сейчас нужно было понять, что у Дениса осталось целым. Осколок вошёл в голень спереди, ниже колена, разворотил мышцу и, судя по тому, как лежала стопа, сломал большеберцовую. Жгут держал. Кровь из раны шла, но не толчками — сочилась, тёмная, и это было хорошо. Плохо было другое: время на жгуте, грязь из канавы в ране и цвет лица.

— Денис. Слышишь меня?

— Слышу.

— Как жену зовут?

— Света.

— Хорошо. Сейчас будет больно, потом меньше. Сделаю

укол, потом займусь ногой. Начнёт мутить или руки похолодеют — говори. Договорились?

— Договорились.

Ответил сразу, имя не подбирал. Зорина положила у его правой руки упаковку бинта — пусть смотрит туда, пока она работает с ногой. Мухин всё равно тянулся заглянуть вниз. Она попросила повернуть голову к ней и повторила, что будет делать; на этот раз он дослушал, не перебивая.

Серов появился в дверях, когда она уже вводила обезболивающее и вскрывала гемостатический бинт. Встал у косяка — в комнате и без него было тесно.

— Лена. Когда он сможет двигаться дальше?

Она не подняла головы.

— Это два вопроса, Рома.

— Какие?

— Первый — когда его можно снова нести. Чтобы не открылось на лестнице и не ушёл в шок на втором пролёте. Минут через двадцать, если я сейчас закрою рану, переведу жгут, наложу шину и стабилизирую. Второй — когда он пойдёт сам.

Она туго набивала рану бинтом, Мухин выгнулся на столе и захрипел, и Волков, стоявший у изголовья, положил ему руку на плечо.

— И когда? — спросил Серов.

— На второй не отвечу.

— Почему?

— Нога сломана. Сегодня сам не пойдёт. Завтра тоже.

— А дальше?

Она перестала тянуть бинт и подняла на него глаза. Рядом дышал Мухин; на каждом вдохе плечо под ладонью Волкова приподнималось.

— Рома. Мне бы его довести.

Серов посмотрел мимо неё, на Мухина. Она ждала нового вопроса и готова была опять сказать «не знаю». Он потёр большим пальцем косяк и убрал руку.

— Двадцать минут, — сказал он наконец. — Понял. Работай.

Ушёл. Зорина вернулась к бинту и через несколько секунд поймала себя на том, что всё ещё ждёт его возражений. Муж говорил, что спорить с ней невозможно: она сначала решает, потом сообщает. Так было с продлением контракта, с перенесённым отпуском. Она всегда могла объяснить, почему иначе нельзя. Объяснений хватило бы и сейчас, но Серов уже ушёл, а Мухин смотрел в потолок. Зря они при нём договорили.

Под тугой повязкой проступило тёмное пятно. Зорина следила, как оно растёт, пока ослабляла жгут. Пятно остановилось. Она выждала ещё, оставила жгут на ноге незатянутым и взялась за вакуумную шину. Пальцы на стопе оставались тёплыми. Мухин пошевелил ими по её просьбе и больше не спрашивал, сможет ли идти.

В вену на правой руке она попала с третьего раза. Волков

держал мешок над головой; когда Зорина подняла глаза, он переложил его в другую руку и потёр первую о бедро. Она показала — чуть выше, — и он снова застыл. По трубке пошёл раствор. Руки можно было убрать от ноги, но Зорина ещё раз провела пальцами по краю повязки.

В проём ей был виден коридор и всё, что там происходило. Руденко расставлял людей. Беседину поставил у начала лестницы — смотреть вверх, на вход. Шатова отправил наверх, на первую площадку, ловить связь. Сам с пулемётом занял коридор у поворота, откуда просматривались обе двери. Потом ему понадобилось проверить вторую дверь, он подошёл к ней — и Зорина видела, как он остановился, посмотрел на ПКМ в руках, оглянулся. Пулемёт был тяжёлый, длинный, с лентой, и с ним в руках нельзя было одновременно держать коридор и дёргать ржавую ручку. Руденко поставил его на сошки у стены, стволом вдоль коридора, и только тогда взялся за дверь обеими руками. Пока он дёргал, коридор не держал никто.

Зорина посмотрела на Волкова. Он тоже видел, как Руденко упирается в дверь, и пустое место у пулемёта, куда раньше встал бы Крылов. Инженер поднял мешок повыше, чтобы она могла подхватить, но обе её руки были заняты шиной. Волков понял и остался у стола. Руденко за дверью дёрнул ещё раз.

Вторая дверь не поддавалась. Руденко подёргал ещё и вернулся к пулемёту.

Шатов спустился через пять минут.

— Связь есть, — сказал он Серову в коридоре, и Зорина слышала каждое слово через открытую дверь. — Только на площадке, у самой лестницы. Ниже — нет, бетон. На площадке — отлично. Поддержка знает, где мы, примерно. Я им дал ориентир по канаве. Говорят — ищут подход. Говорят — пока не могут.

— Ниже совсем нет?

— Совсем. С середины лестницы пробовал — пропадает. Здесь вообще ничего. Только оттуда.

— Значит, связь — это ты на площадке, — сказал Серов. — Не здесь.

— Да.

Зорина проводила Шатова взглядом. На этих ступенях они только что еле разошлись втроём с раненым — а теперь подниматься по ним придётся с каждым новым сообщением. Она поправила трубку у локтя Мухина, чтобы не пережал, поворачиваясь на голоса.

Минут через десять Мухин перестал следить за каждым движением её рук. Повернул голову, посмотрел на шину, на Волкова, застрявшего у стола с мешком. Этот взгляд Зорина узнала раньше, чем он заговорил, и придвинулась ближе.

— Лен, — сказал он. — Дай сяду. Тошно лежать.

— Лежи.

— Да я ж ничего. Я руками помогу. Волкову руки освобожу, пусть делом займётся.

Он упёрся локтями в стол и начал приподниматься. Зорина увидела, как он бледнеет — сразу, за одну секунду, — как ползут вниз уголки губ, как расширяются зрачки. Давление падало. Он тянулся к мешку и не замечал, как Волков отводит его подальше.

— Денис, — сказала она тихо и очень твёрдо. — Лечь.

— Да ладно...

Серов, проходивший по коридору, остановился в дверях. Посмотрел, как Мухин приподнимается, и на лице у него на миг мелькнуло что-то вроде облегчения.

— Пусть сидит, если может. Чем больше сам, тем...

— Рома, посмотри на него.

Серов посмотрел. Мухин держался за край стола обеими руками и улыбался командиру — мол, справляюсь. Улыбка не удержалась: губы разъехались, на мокром лбу проступила складка. Серов шагнул от косяка к столу.

— Лежать, Гвоздь, — сказал он совсем другим голосом. — Это приказ.

Мухин ещё держался за стол, собираясь возразить, потом разжал руки и лёг. Зорина положила ладонь ему на лоб.

— Холодно, — сказал он через минуту, удивлённо. — Руки холодные.

— Знаю, — сказала она и накрыла его ватником с лавки — больше было нечем.

Волков тем временем передал мешок Серову, переставил фонарь на пол, подтащил лавку, встал на неё и подцепил пет-

лю мешка к одному из пустых кабельных крюков под потолком — тот пришёлся почти точно над столом. Проверил, не перегибается ли трубка, слез и ушёл осматривать остальное. Зорина слышала его шаги, видела луч на стене напротив двери; Волков бормотал себе под нос, читая надписи.

— Пусто, — сказал он, вернувшись. — Ни людей, ни медицины, ни воды. Аптечных шкафов нет, склада нет. Всё вывезено, давно. Указатели старые: «ФВУ», «Связь», «Командный». В конце коридора, за поворотом, ещё дверь. Закрыта, с первого раза не идёт, рычаг приржавел. Но из-под неё холодом тянет. Будто ниже что-то есть и через него продувает.

— Носилки пройдут? — спросил Серов.

— По коридору — да. Двери стандартные, широкие. Лестница сверху узкая, сами видели. Что за дверью — не знаю.

Серов повернулся к коридору. Волков уже показывал фонарём за угол, откуда пришёл. Потом оба посмотрели на неё, и Зорина опустила глаза к повязке: от её ответа зависело, смогут ли они туда пойти.

Она закончила с капельницей, проверила пульс, пальцы на ноге, повязку. Держит. Мухин лежал с закрытыми глазами и дышал ровнее. Можно было сказать Серову, что первые двадцать минут прошли хорошо и что, если надо, его можно нести.

Она расправила свободный край плащ-палатки под плечом Мухина, приготовила углы, за которые снова возьмутся. По ровному хватит двоих. На лестнице ей опять идти спи-

ной, держать ноги и нащупывать ступени. Мухин следил за её рукой; когда она её убрала, он закрыл глаза.

Зорина проверила, всё ли под рукой, не придётся ли рыться в сумке на ходу. Хотела позвать Серова, но вместо голоса из горла вышел сухой выдох; сглотнула, собираясь повторить.

Сверху, далеко, сквозь бетон и восемнадцать ступеней, глухо ударило. Потом ещё — ближе. Пол под ногами едва заметно дрогнул. Волков поднял голову.

— Командир, — сказала Беседина у лестницы. — Снаружи опять бьют.

В свете стоящего на полу фонаря Зорина увидела, как с потолка дежурки медленно и беззвучно сыплется тонкая струйка серой пыли — прямо на ватник, которым она укрыла Мухина. А в конце коридора, у входной лестницы, пыль сыпалась гуще: клубилась в луче Бесединой и оседала на ступени, которые вели наверх, в тамбур, к двери в чужое поле.

Глава 6. Вызов по договору

В пять двенадцать рабочий телефон осветил потолок вагончика. Келлер лежал с открытыми глазами с половины пятого. Последние годы он часто просыпался в этот час и подолгу слушал, как остывает в стене металл, стараясь не думать о предстоящем дне.

На экране стоял код дежурной службы. Он ответил на втором гудке; голос со сна вышел хриплым, и Келлер прокашлялся, пока женщина представлялась.

— Келлер.

— Дежурная служба оператора, — сказала она по-английски, ровно, с акцентом, по которому ничего нельзя было понять. — Вызов по договору реагирования, номер у вас на экране. Подтвердите личность.

Он подтвердил: кодовая фраза, номер договора, личный идентификатор. На том конце помолчали, сверяя, и Келлер успел сесть, нашарить ногами ботинки и включить свет.

— Исследовательская площадка, адрес и координаты в приложении к договору, — продолжила женщина. — Ночью, около двух, на площадке произошёл вооружённый инцидент. Есть сведения о пострадавших. С трёх сорока связи с площадкой нет — ни с персоналом, ни с охраной. Последнее сообщение охраны: «Конфликт внутри, ситуация не под контролем». Больше ничего.

— Кто с кем?

— Неизвестно.

— Сколько пострадавших?

— Неизвестно.

— Что на площадке, кроме людей? Опасное оборудование, вещества?

Пауза — короткая, деловая.

— Площадка медицинская, исследовательская. По имеющимся у меня данным, особо опасных материалов нет. Подробности у руководства оператора, ваш запрос я передам.

Келлер записал: «Особо опасных материалов нет». Ниже — оговорку про имеющиеся данные. На линии было тихо: женщина ждала следующего вопроса. Спросить, чего ещё нет в её данных, было легко, получить ответ — вряд ли. Он попросил полный пакет и номер человека на месте.

Весной, когда подрядчик заключал договор реагирования, Келлер прочёл его дважды. Его группа отвечала за выезд, фирма — за условия допуска и связь с оператором. Медицинский центр в зоне боёв платил за готовность приехать, если понадобится. За полгода не понадобилось ни разу. Келлер встал, зажав телефон плечом, и полез в сумку за своим экземпляром.

Через двадцать минут пришёл пакет. Задача: прибыть на объект, установить характер происшествия, найти ответственных сотрудников, оценить угрозу, восстановить связь с площадкой, вывести доступных пострадавших. Полномо-

чия: доступ в помещения согласно приложенному плану, право применять оружие для самообороны и защиты персонала. Контакт на месте — «ответственный за площадку», без фамилии, с номером, который не отвечал.

Келлер открыл план.

Объект оказался старым защищённым сооружением, переделанным под лабораторию. Служебный вход с наружной пристройкой, приёмный блок, лестница вниз, на нижний уровень. Там медицинское крыло, административные помещения, техническая часть с резервным питанием. Всё прорисовано аккуратно — номера комнат, назначение. А остальное — нет. Целые куски схемы были залиты серым и подписаны одним словом: «Не обслуживается». Ещё кусок наверху, отдельный, срезало краем листа.

Он попробовал проследить коридор от лестницы. Линия упиралась в серое пятно; за пятном снова шли помещения, но как они соединены, на плане не было. Келлер обвёл серые области карандашом и подписал: «Неизвестно». Срезанный верх тоже отметил. Потом сложил план так, чтобы эти места первыми открывались при развороте.

Когда он вышел из вагончика, Новак уже курил у машины.

Томаш Новак поднял руку с сигаретой вместо приветствия. Он был на три года старше; пять общих контрактов начинались примерно так же — ранний сбор, дым у машины, взгляд на папку в руках у командира. Келлер ещё не успел её открыть, а Новак уже покачал головой.

— Я читал, — сказал он по-английски, хотя Келлер сносно понимал по-чешски, а Новак по-немецки. Английский был языком группы, и о работе Новак всегда начинал на нём. — «Установить характер происшествия». Это значит — приехать и посмотреть. Не зачищать. Не штурмовать.

— Знаю.

— Скажи, до какого места мы идём. Где разворачиваемся. Если там внутри кто-то стреляет, разбираться, кто прав, мы не занимались.

— Мы обязаны вывести пострадавших.

— Доступных пострадавших, — поправил Новак. — Там так написано. Доступных.

Келлер кивнул.

Новак затушил сигарету о подошву и сунул окурок в карман — эту привычку из него не выбил ни один контракт. Потом достал из нагрудного кармана маленький бумажный конверт, затёртый на сгибах. Внутри звякнуло.

— Так и ношу с собой. Это Стефана.

Келлер посмотрел на конверт и промолчал. Он знал, что внутри. Две недели назад, на прошлом контракте, недалеко отсюда, в этой же зоне, они потеряли Стефана Ковача. Словак, тихий, аккуратный — из тех, кто заранее проверит, у всех ли есть вода. Новак видел, как его убило: был в двадцати метрах, видел попадание, видел, как Стефан упал и больше не шевелился. Тело вынести не удалось — участок накрыли, и группа ушла без него. В вещах, оставшихся в лагере, нашли

связку ключей с брелоком — маленькой деревянной рыбкой. Ключи от квартиры в Братиславе, где жила его сестра.

— Я ей написал, — сказал Новак. — Она хочет, чтобы я приехал. Не прислал — приехал. Хочет знать, как это было.

— Поедем вместе. После этого. Я с ней свяжусь, когда вернётся.

Новак потёр большим пальцем сгиб конверта. Ключи снова звякнули; Келлер потянулся было придержать бумагу и остановился.

— Ты со мной к ней зайдёшь?

— Зайду.

— Хорошо.

Новак убрал конверт под клапан. Келлер дождался, пока тот застегнёт кнопку, и развернул план на капоте. Когда они поедут, было неизвестно. Новак больше не спрашивал.

Группа собиралась у машины.

Элиза Моро сидела на подножке, зажав телефон между плечом и ухом, и отвечала по-французски, свободной рукой пытаясь свести молнию медицинской сумки. Потом опустила руку, дослушала, попрощалась. Ещё секунду сидела над погасшим экраном, прежде чем убрать телефон и заняться сумкой.

Маттео Рива проверял ленту своего FN Minimi, бормоча по-итальянски что-то вроде детской считалки. Двести патронов были на пулемёте, ещё двести — в запасном коробе, который он пристегнул себе на пояс. По сотне Рива отдал Но-

ваку и Сото. Новак поднял свой короб за ремешок, прикидывая, куда повесить; Сото сразу спрятал свободный конец стропы под разгрузку.

Укладывая короб, Сото задел локтем телефон на подножке. Рива поймал его у самого края. На экране была девочка в жёлтых сапожках: стояла у воды и протягивала тому, кто снимал, мокрый камень.

— Джулия? — спросил Сото.

— Вчера прислали. — Рива вытер экран большим пальцем. — Три года, а карманы уже тяжелее моих. С каждой прогулки домой камни тащит.

— Тебе оставляет?

— Мне. Пока я в Милане.

Сото посмотрел на него. Рива погасил экран и убрал телефон в нагрудный карман.

— Для неё я там работаю, — сказал он и взялся за крышку короба. — Дай ремень. Перекрутился.

Эрик Холм — высокий, светловолосый — молча чистил оптику на своём SCAR-H с переменным прицелом. Рядом Нина Штайн раскладывала на капоте кейс с беспилотником: «мавик», пульт, три батареи; отдельно — ручной тепловизор, компактную камеру и аккумуляторы. Заряд каждого она записывала на полоске пластыря, приклеенной к запястью.

— Сектор? — спросил Холм, не поднимая головы от прицела.

— Пока капот, — сказала Штайн. — Твой левый, мой пра-

вый. Как всегда.

Он кивнул над линзой. Так у них повелось с первого общего контракта: перед каждым выходом, на каждой остановке Холм спрашивал одно слово, а Штайн отвечала, кто что держит. Келлер однажды спросил, зачем повторять то, что оба и так знают. Холм пожал плечами: «Раз ответила — значит, она здесь». Дома, на Лофотенах, у него был брат и половина старой лодки; вторую половину Холм собирался выкупить с этого контракта и говорил об этом так же коротко, как о секторах.

Лукаш Бек сидел на корточках у раскрытого инженерного ящика и перекладывал в рюкзак то, что могло пригодиться: монтировку, кусачки, тестер, моток кабеля, набор для вскрытия замков, пенал с зарядами. Набор был старый, в истёртом кожаном чехле с вытисненной фамилией — не его, отцовской. Отец Бека тридцать лет держал слесарную мастерскую в Гданьске и до сих пор раз в месяц писал сыну открытки от руки, всегда об одном: какой замок ему принесли и как он его открыл. Второй пенал Бек подержал в руке и положил обратно.

— Не берёшь? — спросил Келлер.

— Не знаю, какие там двери. Если штатные — хватит. Если нет — всё равно не хватит, так зачем тащить. — Он застегнул клапан и добавил, не поднимая глаз: — Лишнее мешает работать. Отец так говорит.

Даниэль Сото, самый младший, разносил общий груз —

воду, запасные батареи, сухпайки — и каждому, отдавая, говорил: «Взял? Скажи, что взял», — и ждал, пока скажут.

Остальные — Келлер, Новак, Моро, Бек, Штайн и Сото — шли с М4. Келлер проверил свой: магазин, затвор, прицел, фонарь. Семь магазинов в подсумках. Привычная тяжесть на груди.

Новак подошёл последним, на ходу затягивая поясной ремень. Протянул пряжку через петлю боком, придержал ногтем грубый светлый шов — сам зашивал, ещё на первом их общем контракте, — и встал у капота.

Келлер собрал их у машины.

— Слушайте. — Говорил он коротко, по-английски. — Объект — медицинская исследовательская площадка. Ночью там был вооружённый конфликт. Есть пострадавшие, сколько — неизвестно. Связи нет с трёх сорока. Задача: войти, установить, что случилось, найти ответственных, оценить угрозу, восстановить связь, вывести тех, кого можно вывести.

— Кто там стрелял? — спросил Рива.

— Неизвестно. Охрана в последнем сообщении пишет: «Конфликт внутри». Кто остался при оружии, кто заперт, кто сейчас держит вход — никто не подтвердил.

Рива перестал возиться с коробом. Келлер дождался, пока он поднимет глаза.

— Увидели человека — докладываете. До подтверждения сами не сближаемся. Особенно если зовёт на помощь. Моро,

это и к тебе.

— Я услышала, — сказала она. Сумка стояла у её ноги, уже закрытая.

— А план? — спросила Штайн.

— Вот здесь кончается наш допуск. — Келлер показал на обведённые куски. — Что за ними — выясняем на месте. Пока прокладываем путь по тому, что есть.

Он посмотрел на часы. Пять пятьдесят одна.

— Тео остаётся у входа. С машиной, со станцией, на посту связи. Он не резерв и не штурмовая группа. Он — наша связь с поверхностью. Что-то меняется — он сообщает подрядчику и нам. Тео, слышишь?

Водитель, высокий тощий голландец за рулём, поднял руку.

— Слышу.

Перед тем как сесть в машину, Келлер ещё раз набрал «ответственного за площадку». Длинные гудки, никто не взял. Набрал дежурную службу.

— Келлер. Выдвигаемся. Контакт на площадке не отвечает. Передайте ему, что будем через час с небольшим.

— Принято, — сказала та же женщина. — Сообщение отправлено.

— Он его получил?

— Сообщение отправлено, — повторила она.

Келлер подождал. Было слышно, как она печатает. Он поблагодарил и убрал телефон, не закрывая страницу с номе-

ром: по дороге попробует ещё.

В машине Новак подвинулся, пропуская его. За окном светало — серо, медленно, без солнца. Где-то за горизонтом, далеко на юге, глухо ударило, и в машине никто не повернул головы.

Глава 7. Прежней дороги нет

Серов стоял у нижней ступени и смотрел вверх, на светлую щель.

Чтобы её увидеть, приходилось вжиматься плечом в стену: восемнадцать ступеней, площадка, ещё девять и поворот. Над поворотом на бетоне тамбура лежал косой прямоугольник дневного света. Серов несколько раз отходил к дежурке и возвращался сюда; свет оставался на месте — серый, неподвижный. Под ним сидел Шатов со станцией на коленях и передавал поддержке, что Мухина стабилизировали и группа ждёт подхода. Отсюда было видно, как связист наклоняет голову, вслушиваясь в ответ.

В луче ещё висела пыль от прошлых разрывов. Беседина стояла на две ступени выше, автомат у груди.

— Ближе кладут, — сказала она. — Не по нам. Но ближе. — Слышу.

Следующего удара он не услышал. Он его увидел.

Светлый прямоугольник дёрнулся и исчез. Пол встал под ботинками, Серова швырнуло плечом в стену, а сверху уже хрустело и рушилось. Он успел заметить, как за поворотом на миг встал поперёк луча тёмный край, — и лестницу закрыло. Пыль ударила в лицо. Он зажмурился, прижал рот к рукаву; вдохнуть всё равно пришлось, и сухая известь сразу закрипела на зубах.

Не отнимая рукава, он ждал. Секунда, две, пять. В ушах звенело, наушники шипели. Где-то наверху ещё сыпалось — мелко, часто, как песок в часах, — потом что-то тяжело осело и затихло.

Он открыл глаза. Фонарь Бесединой бил в пыль, как в молоко, и не освещал ничего, кроме собственного луча.

— Беседина.

— Здесь.

— Шатов! — Он повысил голос. — Шатов, отвечай!

Сверху не ответили.

За спиной, в коридоре, уже орал Руденко: «Перекличка! По порядку!» — и голоса отзывались один за другим, глухо, сквозь пыль: Зорина, Волков, Мухин — слабо, но внятно, — сам Руденко. Беседина рядом. Он. Шесть голосов. Седьмого не было.

— Шатов! — крикнул он ещё раз и шагнул на лестницу.

— Командир, не лезь, сыплется.

— Знаю.

Серов поставил ногу на следующую ступень. Беседина двинулась следом; он показал ладонью — стой — и снова позвал Шатова. Своего голоса почти не слышал. До площадки было рукой подать, но в белом луче не видно было даже перил. Он повёл левой рукой по стене, нащупывая поворот.

Пока он поднимался, пыль оседала, и фонарь понемногу начинал видеть: ступени, засыпанные бетонной крошкой; обломок величиной с табуретку поперёк пролёта; трещину

в стене, которой раньше не было, — длинную, наискось, от потолка вниз.

На площадке сидел Шатов, привалившись спиной к стене. Станция на коленях, руки сцеплены поверх неё; из-под локтя торчал натянутый провод гарнитуры. Серов сначала увидел эти руки и съехавшую каску. От брови по серой пыли тянулась тёмная полоска.

— Егор.

Шатов поднял голову. Глаза открыты. Взгляд проходил сквозь Серова.

— Егор, слышишь?

— Не очень, — сказал Шатов громко, слишком громко, как говорят оглохшие. — Звенит. Командир, я станцию не уронил.

— Вижу. Встать можешь?

Шатов встал — сначала на колено, потом, держась за стену, на ноги. Его повело, Серов подхватил под локоть. Ноги держали, руки двигались. Кровь шла из рассечённой брови — неглубоко, просто кожа.

— Вниз. Зорина посмотрит.

Он передал Шатова Бесединой, поднявшейся следом, и только тогда посмотрел наверх.

Девять ступеней от площадки к тамбуру исчезли под горой обломков. Потолочные плиты тамбура сползли — одна целиком, другая, переломившись пополам, — и между ними набились земля, корни, куски арматуры. Стальную дверь,

через которую они вошли, было видно только краем: её вдавило внутрь, перекосило и придавило сверху плитой. Светлой щели не было. Совсем. Ни единого просвета — только серое, тёмное, плотное, и где-то в глубине этой массы ещё что-то тихо потрескивало, устраиваясь.

Он поднял фонарь, ища просвет над плитой. Луч прошёл по рваному бетону, запутался в корнях и вернулся к перекошенному краю двери. Серов опустил руку. Минуту назад здесь был день.

Над нижним пролётом потолок держался. Внизу, за спинами Бесединой и Шатова, был виден коридор и свет в дежурке. Устояло всё, кроме тамбура. Серов прикинул, куда пришлось бы положить Мухина, пока двое лезут через завал, чтобы принять его сверху, — и бросил прикидывать.

Внизу Зорина уже усадила Шатова на ступеньку и светила ему в глаза.

— Сотрясение, — сказала она Серову, когда тот спустился. — Лёгкое, наверно. Бровь потом зашью, сейчас заклею. Слух через полчаса вернётся, может, через час. Не уверена. Не трясى его.

— Мухин?

— Мухин в порядке. Насколько к нему это слово сейчас подходит. Не задело, только пыль. Капельница стоит.

Серов кивнул. Новых раненых, кроме Шатова с его бровью и звоном в ушах, не было. Новых погибших не было. Он позволил себе выдохнуть — коротко, один раз — и позвал

Волкова.

Волков поднялся к завалу с фонарём и долго стоял, водя лучом по краям. Серов остался внизу. Он знал этот взгляд: инженер задерживался на местах опоры — что на чём лежит, что держит, что держится, что поедет, если тронуть.

— Плохо, — сказал Волков, спустившись. — Верхняя плита лежит на обломке второй, обломок — на земле, а земля продолжает сползать. Начнёшь разбирать снизу, вытащишь хоть кусок — может сесть всё. И сесть сюда, на площадку. Ручным инструментом я это не разберу. Монтировкой, лопаткой — нет. Тут кран нужен, или домкраты, или разбирать сверху, снаружи.

— А пролезть? Одному. Без груза. Между плитами, по краю. — И добавил: — К поддержке. С точными координатами.

Волков оглянулся на лестницу. Серов ждал, пока тот ещё раз переберёт в голове уже осмотренное, и сдерживал себя от следующего вопроса. Раз инженер ещё не сказал «нет», хотелось помочь ему найти ответ. Но Волков смотрел на трещину над площадкой и молчал.

— Слева есть щель, — сказал он наконец. — Сантиметров тридцать. Только она под плитой, которая на честном слове держится. Человек туда ползет, дёрнется, заденет — плита съедет на него. И на всех, кто внизу. Я бы не полз. И никого бы не пустил.

— Понял.

Серов это принял. Про носилки спрашивать не стал.

— Шатов, — сказал он громко, повернувшись к связисту.

— Связь есть?

Шатов не услышал. Зорина тронула его за плечо и показала на станцию. Он кивнул, поднялся, всё ещё держась за стену, и полез наверх, на площадку.

— Куда? — крикнул вслед Серов.

— Там вентиляция, — обернулся Шатов, снова слишком громко. — Я видел. Решётка в стене. Может, через неё.

На площадке, в стене у самого завала, и правда была решётка — квадратная, ржавая, сантиметров сорок, — а за ней уходил вверх вентиляционный канал. Когда-то он выводил воздух из тамбура наружу, через оголовок где-то на поверхности бугра. Шатов отжал решётку, сунул в канал гибкую антенну, одной рукой прижал гарнитуру к уху — второй держался за стену — и начал вызывать.

Серов ждал. Минута. Две.

— Есть! — Шатов почти кричал. — Есть, слабо, но есть! Квитанция!

Передавал он долго. Серов разбирал отдельные слова: «вход завален», «тамбур», «семь, повторяю, семь», «один тяжёлый», «внутри сооружения», «другого выхода не знаем». Потом Шатов слушал ответ, морщась и вдавливая гарнитуру в голову.

— Командир, — сказал он наконец, спустившись на две ступени, чтобы было слышно. — Говорят: по этой стороне

бугра сейчас работают. Огонь плотный. Подойти к нам — никак. Расчистить вход — тем более, не сейчас. Говорят: держитесь, сколько можете, ищите внутри. Найдёте другой выход — сообщите координаты. Будут ждать на связи. Всё.

— Сроки?

— Не говорят. Говорят — не знают.

— Оставайся на приёме.

Шатов кивнул не сразу — пришлось повторить, глядя ему в лицо. Потом вернулся к решётке и снова прижал гарнитуру. Серов ещё постоял под лестницей. Сверху не доносилось ничего, кроме шороха провода по бетону.

Он подумал о Крылове — впервые с тех пор, как они оставили его на плите. Перед глазами встали поле за бугром, канава, разошедшийся бетонный лоток, рука над чёрной лужей. До плиты отсюда было метров двести — двести метров, которые ещё час назад можно было проползти, а теперь между ними лежал слой бетона, земли и огня. Отползая тогда от плиты, Серов оставил себе одно: потом вернёмся. Вслух людям этого не сказал, но укрытие выбирал так, будто сможет из него выйти и вернуться по канаве. Теперь он смотрел на лестницу и никак не мог совместить её с той короткой обратной дорогой.

Серов повернулся к двери дежурки. В комнате стоял тот же стол, а на нём лежал другой человек — которого ещё можно было вынести.

Мухин застонал в дежурке — громко, и Зорина ушла к

нему. Через минуту вернулась.

— Его переключать надо. Лежит на железе, холодно, трясоти начинается. И стол неудобный, если быстро уходить придётся. Мне перестелить, повернуть, ногу проверить. Минут десять. Двое на руки.

Серов посмотрел на лестницу, на завал, на Шатова, вжавшегося в стену у решётки с гарнитурой.

— Подожди. Шатов ещё раз запросит. Может, по времени уточнят, тогда решим, куда его — сюда или дальше.

— Рома, — сказал из коридора Руденко. Он стоял у поворота с пулемётом на сошках, как стоял всё это время. — Уточнят — хорошо. Не уточнят — потеряем десять минут. Давай одно и другое сразу. Зорина с Мухиным, Волков с дверью в конце коридора. Я держу коридор, Беседина — Волкова. Шатов на связи. Ты — где нужнее.

Серов посмотрел на Зорину. Она не ушла — стояла с раскрытой сумкой, и ждать приходилось ей. Он уже открыл рот, чтобы велеть Шатову поторопить поддержку, но связист наверху как раз отнял гарнитуру и потёр ухо. Серов повернулся к Руденко.

— Согласен. Только так. Зорине двоих на переключку, сразу, потом один уходит. Волков к двери не один, Беседина с ним, и чтоб я их видел из коридора. За поворот никто в одиночку не уходит.

— Принято.

Разошлись. Серов с Волковым сначала помогли Зориной:

подняли Мухина со стола, пока она стелила на железо плащ-палатку, сложенный вдвое ватник и собственный бушлат из рюкзака; потом опустили обратно — на бок, ногой в шине наружу, — и Зорина подложила под шину свёрнутый вкладыш от спальника. Мухин молчал, только дышал сквозь зубы. Когда его опустили, открыл глаза.

— Командир. Выход завалило?

— Завалило.

— Ясно. Значит, меня теперь тащить ещё дальше.

— Значит, дальше.

— Извини, — сказал Мухин и закрыл глаза.

Серов убрал руку из-под его плеча и зачем-то поправил край ватника — Зорина только что уложила его ровно.

Под ватником, под разгрузкой должен был лежать пакет с кухней. Восемьдесят сантиметров под мойку. «Закажешь, как вернёмся» — фраза была готова, Серов почти её произнёс. Мухин лежал с закрытыми глазами. Разговор про кухню ему сейчас был не нужен: он извинился за то, что его придётся тащить. Серов стоял у стола, пока не нашёл, что на это ответить.

— Не за что извиняться. Лежи.

Мухин не ответил. Только пальцы, торчавшие из-под ватника, чуть разжались на краю стола.

Волков ушёл к двери в конце коридора. Серов пошёл следом и встал у поворота, чтобы видеть и его, и Руденко с пулемётом. Беседина держалась на шаг сзади Волкова — авто-

мат в руках, фонарь на дверь.

Дверь была стальная, низкая, с запорным рычагом посередине — длинной ручкой, которая проворачивалась на оси и загоняла засовы в косяк. Ось затянуло ржавчиной. Волков попробовал руками — не пошло. Тогда достал из рюкзака монтировку, загнал её в щель между рычагом и полотном, проверил, во что упирается, — и только потом навалился.

Серов глянул на верхний угол косяка. Волков заметил.

— Стену не трогаю. Только рычаг. Сломается — с ним и разберёмся.

Он ещё раз проверил упор и перенёс вес на монтировку.

Рычаг не сломался. Поддался — сначала на сантиметр, со скрипом, от которого заныли зубы, потом ещё, потом пошёл. Засовы с лязгом вышли из пазов. Волков отложил монтировку, взялся за ручку и потянул на себя.

Дверь открылась тяжело, на полметра, и во что-то упёрлась. Волков посветил вниз: у самого порога лежал деревянный кабельный барабан — старый, разохшийся, с остатками чёрного провода на оси. Кто-то когда-то откатил его сюда и бросил. Волков откатил барабан к стене, освобождая место под носилки, и распахнул дверь до конца. Из проёма пошёл ровный холодный поток. Серов почувствовал его даже у поворота, за семь метров: так тянет в метро перед поездом. И в потоке был запах — сырой бетон, машинное масло и снова тот, сладковатый, едва уловимый. Теперь Серов знал, откуда он: с высоты, с бугра, из тёплого круга без инея.

Беседина вошла в проём первой, боком, автомат у плеча. Луч ушёл вглубь.

Серов ждал. Тишина. Ни шагов, ни голосов, ни движения. — Коридор, — сказала Беседина изнутри. — Метров десять, дальше поворот. Что за поворотом — не вижу. Людей не вижу. Движения нет. Тихо.

— Держи поворот. Сейчас пойдём.

Он вернулся к дежурке, где Зорина заканчивала с Мухиным, где на ступенях сидел только что спустившийся от решётки Шатов и где Руденко по-прежнему стоял у поворота с пулемётом. Все смотрели на него.

Он встал так, чтобы слышно было и в дежурке.

— Поддержка остаётся на связи. Вход пока не расчищают. Через завал никого не посылаем — Волков посмотрел, не пройдем. Дальше идём этим коридором, с Мухиным. Воздух тянет — значит, где-то выход. Будем искать, откуда тянет.

Он посмотрел на Шатова и повторил последнее громче. Связист кивнул. Обещать другой выход Серов не стал.

Никто не возразил. Руденко кивнул. Зорина начала собирать сумку.

Серов посмотрел на дверь в конце коридора, на тёмный проём, из которого тянуло холодом, и подумал, что всего полтора часа назад лежал на мёрзлой стерне у края посадки и проверял, свободна ли грунтовка у насосной.

Он поднял автомат и пошёл к двери.

Глава 8. Работающий воздух

С этой стороны массив выглядел совсем иначе.

Последние два километра Тео вёл машину вдоль хребта. На снимках Келлер видел вытянутую возвышенность — а с дороги склон занимал всё боковое окно, и кусты на гребне казались игрушечными. За ним лежали южные поля и каналы. Оттуда весь последний час доносился бой — то затихал, то накатывал, — а здесь звук глож за массивом земли. Келлер опустил стекло, несколько секунд слушал ветер и шины по разбитой дороге, потом поднял.

Служебный подъезд начинался с асфальта — узкой, но новой полосы, отходившей от грунтовки. Через двести метров асфальт упирался в ворота: сетка с колючкой поверху, будка поста, опущенный шлагбаум. За воротами, вплотную к склону, стояло длинное приземистое здание из серых сэндвич-панелей — приёмный блок, как значилось на плане, — а за ним, врезанный прямо в тело хребта, торчал бетонный портал. По старому бетону шли рыжие потёки. Новая пристройка почти закрывала его снизу; над её лёгкой крышей виднелся край портала — толще всей стены приёмного блока. Келлер сверился с планом. Входить предстояло через пристройку.

Табличка на воротах, по-английски и по-русски, сообщала название медицинской компании — длинное, из «био»,

«клиник» и «рисёрч», — и номер лицензии. Ниже, мельче: «Посторонним вход запрещён. Объект охраняется».

В будке никого не было видно, когда машина остановилась в тридцати метрах. Шлагбаум никто не поднял, на встречу никто не вышел.

— Пост, — сказал Келлер в рацию на общей частоте из пакета документов. — Пост, группа реагирования по договору, мы у ворот. Ответьте.

Отпустил кнопку, подождал. За стеклом будки ничего не шевельнулось. Повторил вызов на запасной частоте, назвал номер договора. Ни голоса, ни щелчка.

— Нина.

Штайн развернула лучи беспилотника и проверила винты. Через несколько секунд «мавик» с тонким злым жужжанием поднялся с капота и повис над воротами, медленно поворачиваясь.

Келлер встал у неё за плечом, глядя в экран пульта. Сверху территория выглядела маленькой и аккуратной: забор, будка, площадка перед приёмным блоком, на ней два внедорожника и микроавтобус. У одного внедорожника были распахнуты обе передние двери. Под задним колесом второго лежало что-то тёмное, бесформенное — то ли брезент, то ли куртка. Штайн переключила камеру на тепло, и тёмное стало таким же холодным, как асфальт под ним.

— Не человек, — сказала она. — Или давно уже не тёплый. Отсюда не скажу.

— Двери?

Она подвела аппарат ближе. Главный вход в приёмный блок — стеклянный, двойной — был закрыт; одна створка пошла белой паутиной трещин, будто по ней ударили чем-то тупым. Боковая служебная дверь, металлическая, стояла нараспашку, подпёртая огнетушителем.

— За дверь не заглянуть. — Она подвела аппарат к краю крыши, задержала и отвела. — Во дворе людей нет. Тёплых следов нет. Машины холодные, стоят давно.

Холм по другую сторону молча кивнул, не отрываясь от прицела: держал будку, потом открытую боковую дверь, потом снова будку.

— Облети портал.

«Мавик» прошёл над приёмным блоком и завис над бетонным порталом. Тот был закрыт: огромные стальные створки, когда-то выкрашенные в защитный цвет, выглядели так, будто их не открывали лет двадцать. Перед створками лежал асфальт, а на асфальте — свежие, хорошо различимые по инею следы шин. Они уходили от ворот к углу приёмного блока и дальше, за угол, к какой-то двери, которую сверху было не видно.

— Грузовой вход, — сказал Бек, заглядывая в экран. — На плане есть. Широкий ход для снабжения, под уклон. Ворота портала старые, ими не пользуются. Пользуются вот этим, сбоку.

— Закрыто?

— Отсюда не видно.

— Хватит. Сажай.

Пока аппарат снижался, по экрану ещё раз проплыли распахнутые двери внедорожника. Никто так и не вышел их закрыть. Келлер сунул план под куртку и пошёл к машине.

Тео подогнал машину к самым воротам. Сото поднял шлагбаум руками — тот оказался не заперт, — и они въехали на площадку, встали у глухой стены приёмного блока кормой к выезду. Пока остальные выгружались, Келлер с Новаком и Холмом проверили будку.

Стул отодвинут от стола; перед тёмными мониторами — журнал, открытый на вчерашней дате. Келлер посмотрел на последнюю запись, перевернул страницу. Дальше пусто. Кружка с чаем стояла на самом краю; он задел её рукавом, потянувшись к стенной панели, и по мутной плёнке на чае пробежала складка.

Панель была новая, серая, с трубкой на рычаге и подписями под кнопками на двух языках. Два зелёных огонька горели ровно, не мигая.

— Объектовая связь работает, — сказал Новак. — Питание есть.

— Откуда?

— Резерв, наверно. Внизу генератор, по плану.

Келлер снял трубку и нажал первую кнопку с зелёным огоньком. Гудок — первый, второй, третий, десятый. Никто не ответил. Нажал вторую — то же самое. Положил труб-

ку и прочёл подписи: «ПРИЁМ». «ЛЕСТН. Н». «ЛАБ-1». «ТЕХ». «А». «Б». «П-4». Зелёным горели «ЛЕСТН. Н» и «П-4». Остальные молчали.

Что такое «П-4», он не знал. На его плане такого обозначения не было.

Тео ждал в дверях будки.

— Это твоё место, — сказал ему Келлер. — Здесь или в машине, где удобнее. Наружная станция в машине, отсюда — внутренняя связь объекта. Если кто-то изнутри ответит или позвонит сюда — принимаешь, записываешь, передаёшь мне. Кто-то подъедет к воротам — сообщаемь мне и подрядчику. Изменится что-то снаружи — стрельба ближе, машины, люди — сообщаемь мне и подрядчику. Если от нас больше двадцати минут ничего — докладываешь подрядчику, что ничего. Повтори.

Тео повторил по пунктам, загибая пальцы. На последнем остановился.

— Двадцать минут от вашего последнего доклада?

— Да. Даже если вокруг тихо.

Тео глянул на часы и кивнул. Подвинул журнал на столе, освобождая себе место.

— Оружие при тебе. Но ворота ты не держишь. Придёт кто с оружием — не геройствуй, докладывай. Понял?

— Понял.

Штайн принесла кейс с беспилотником и поставила на стол поста.

— Пусть тут стоит, — сказала она Тео. — Внизу он мне не нужен. Пульт у меня, так что никуда не улетит, — просто пусть будет под рукой, когда выйдем.

Пульт она убрала в нагрудный карман вместе с маленьким носителем, на котором осталась запись облёта, а тепловизор повесила на шнурке на шею. Тео отодвинул кейс от края. Штайн вышла к остальным.

Семь восемнадцать. Келлер вызвал дежурную службу подрядчика через наружную станцию и доложил: прибыли, пост пуст, на вызовы никто не отвечает, внутренняя связь под питанием, но не отвечает, на площадке признаки поспешного ухода, людей снаружи нет, входим через боковую служебную дверь приёмного блока. Ему ответили: «Принято». Ничего другого он и не ждал.

— Порядок, — сказал он группе у боковой двери. — Новак первый, Сото с ним. Холм и Рива держат площадку, пока мы не внутри, потом заходят. Моро в середине. Бек и Штайн со мной. Проверяем приёмный блок, и только его. Вниз пока не идём. Обо всём, что изменится, — сразу.

Новак откатил огнетушитель ногой. Дверь осталась открытой.

Изнутри приёмный блок оказался таким же, как снаружи, — новым, лёгким, чужим старому бетону, к которому его прилепили. Тамбур с двумя дверями. Турникет со считывателем карт, стойка охраны, ряд шкафчиков для одежды вдоль стены, крючки, на крючках несколько курток. Указа-

тели на двух языках: «Персонал — направо». «Посетители — ожидайте у стойки». «Вход в зону В только в спецодежде». Светильники горели через один — тусклым экономным светом.

И следы. Келлер увидел их, едва переступив порог, и чем дальше, тем их становилось больше.

Стеклянная перегородка у стойки пробита в трёх местах: аккуратные круглые дырки, вокруг каждой звёздочка трещин. Под перегородкой несколько латунных гильз мелкого калибра. Один шкафчик распахнут, дверца висит на одной петле, внутри пусто. На полу у турникета длинный тёмный мазок — будто волокли по линолеуму что-то мокрое. Мазок вёл к двери с надписью «Персонал», а дверь была закрыта.

— Стреляли отсюда, — сказал Новак, присев у гильз. — Изнутри блока — туда. — Он показал на «Персонал». — Или здесь отвечали тому, кто бил от двери.

— Стреляли, — согласился Келлер. — Кто в кого — не знаем.

Моро присела над мазком, не трогая, посветила фонарём. — Кровь. Подсохла. — Она провела лучом до порога. — Человека тащили. Края ровные, ладоней нет. Сам бы он здесь руками упирался.

— Куда?

— За эту дверь. А дальше не знаю.

«Персонал» заперт не был. За ним начинался служебный коридор приёмного блока, а в его конце, за ещё одной две-

рю, стенка из сэндвич-панелей кончалась и начинался бетон портала — серый, тяжёлый, в потёках. Отсюда вниз уходила старая лестница, широкая, бетонная, строенная теми же людьми, что и сам портал: два пролёта, площадка, ещё два. Внизу открывалась просторная площадка с белыми панелями на стенах — приёмная сторона, как стояло на плане. Слева от неё уходил короткий белый коридор, в конце которого виднелась толстая стальная створка, отведённая к стене; над коридором висела табличка: «Переход к КП. Только персонал». На плане Келлера за этой дверью было серое. Он её отметил и туда не пошёл.

Справа, в стене, был другой проём — в современной стальной раме, — за ним площадка и стальная лестница вниз. Решётчатые ступени, крутые, как на корабле, перила, промежуточная площадка на консолях, видная сверху, — а дальше темнота, и в темноте, глубоко, тусклый жёлтый свет.

Сото первым шагнул на площадку и встал.

— Шеф. Тут оружие.

В углу площадки, между перилами и стеной, лежал карабин. Короткий, чёрный, с подствольным фонарём, ремень оборван у антабки. Затвор на задержке. Магазин торчал из приёмника наискось, вставленный только наполовину. Рядом на решётке — пустой магазин, ещё один, полный, валялся ступенькой ниже.

Келлер постоял над карабином, не трогая.

— Моро. Новак. Посмотрите. Остальные стоп. Вниз пока

не идём.

Он вызвал Тео.

— Тео, Келлер. Мы в приёмном блоке, у лестницы на нижний уровень. Следы стрельбы, кровь, брошенное оружие охраны. Людей нет. Как слышишь?

— Слышу хорошо, — отозвался Тео через секунду. — Принял: у спуска, стрельба, кровь, брошенное оружие, людей нет. У меня тихо. Внутренняя связь молчит.

— Принято. Следующий доклад через десять минут или по изменению.

— Принято.

Келлер посмотрел на лестницу. Она уходила вниз, в бетон. Ладонь на перилах ощутила тёплый ток воздуха снизу; пахло машинным маслом, хлоркой и чем-то приторным, что не выветривалось даже здесь, у верхней площадки.

За дверью, которую открыл Волков, коридор шёл прямо метров десять, потом сворачивал направо, и за поворотом начиналось то, что Серов понял не сразу.

Сначала это выглядело как очередное старое помещение — большой зал с высоким потолком, почти весь занятый огромным, в человеческий рост, железным кожухом. Облупленная зелёная краска, трафарет: «ФВУ-2. Не включать без команды». От кожуха под потолок уходили квадратные вентиляционные короба — старые, клёпанные, обмотанные истлевшей мешковиной. Ни звука, ни движения. Мёртвый аг-

регат, который давно никто не включал — ни по команде, ни без.

Но воздух двигался. Серов чувствовал его лицом.

— Командир, — позвал Волков от дальней стены. — Сюда.

Серов подошёл. У дальней стены, рядом со старым коробом, шёл ещё один — круглый, гладкий, из оцинковки со спиральным швом. Он выходил из пролома в стене — аккуратного, недавнего, края бетона ещё не потемнели, — тянулся через зал на новых кронштейнах и уходил вниз, в пол, через такой же свежий пролом. Волков приложил к нему ладонь.

— Тёплый. И гудит, слышишь? Тихо, но гудит. Где-то внизу вентилятор работает. Не этот. — Он кивнул на старый кожух. — Этот сдох, когда тебя ещё в школу не отдали.

Серов приложил ладонь. Короб и правда был чуть тёплым и чуть вибрировал — так ночью, когда в квартире тихо, вибрирует холодильник.

— И вот, — сказал Волков, посветив вниз.

Вдоль стены, на тех же новых кронштейнах, под коробом шёл кабель. Толстый, в оранжевой оболочке, с белой маркировкой через каждые полметра. Рядом ещё два, потоньше, серые. Все три на пластиковых стяжках — новых, белых, не пожелтевших. Кабели входили в зал через тот же пролом, что и короб, и уходили вниз через тот же пролом в полу.

— Это не старьё, — сказал Волков. — Это прокладывали

год назад. Может, два. Не больше. Кто-то пользуется нижними помещениями.

— Кто?

— Не знаю. — Волков выпрямился. — Монтаж гражданский. Аккуратно, по линейке. Как в больнице.

Серов ещё раз коснулся короба. Через перчатку тепло почти не чувствовалось; он стянул её и тронул металл пальцами. Вибрация была ровная. Где-то внизу работала машина — и там должны были уметь выгонять этот воздух наружу. Он натянул перчатку и стал осматривать стену возле кабелей.

— Шатов.

Шатов стоял у входа в зал, держась за косяк. Звон в ушах, по его словам, стал тише, но ещё мешал. Серов показал на стену у входа — сам заметил, только проходя мимо: там, на высоте плеча, висела небольшая серая коробка с кнопкой и решёткой динамика. Новая, как стяжки на кабелях. Под кнопкой табличка: «П-4».

— Глянь, что это.

Шатов нашёл у коробки тонкий серый кабель — тот самый, что шёл вдоль стены.

— Интерком, — сказал он, всё ещё громче обычного. — Внутренняя связь, проводная. С нашей станцией не соединишь. Но кого-то отсюда вызвать можно.

— Работает?

Шатов нажал кнопку. Коробка коротко пискнула, на ма-

леньком тусклом табло под решёткой загорелась надпись — латиницей и кириллицей, мелко: «ВЫЗОВ: ДЕЖ.». Кнопка была одна, выбирать, кого звать, она не позволяла: пост, видимо, был устроен так, чтобы отсюда звонили только одному адресату. Динамик зашипел, потом пошёл длинный ровный гудок. Ещё. Ещё. Серов насчитал восемь, прежде чем гудки оборвались и табло погасло.

Шатов нажал ещё раз, но отпустил до первого гудка.

— Вызов проходит. Ответа нет. — Он посмотрел на табличку, потом на Серова. — Куда звонит — не знаю.

— Попробуешь позже.

— Попробую.

Семь сорок девять. Из глубины донеслись два глухих хлопка, почти слитых, потом короткая дробь. Оцинкованный короб отозвался дребезгом. Серов поднял голову, но звук уже погас, и в зале снова ровно гудело. Волков тоже прислушивался. Провёл лучом по месту, где короб уходил в пол, и опустил фонарь.

Серов обернулся к коридору, где ждали остальные. Мухин лежал на плащ-палатке у самого входа в зал, Зорина сидела рядом на корточках и проверяла повязку. Руденко держал коридор у поворота. Беседина — уже за ним, ближе к залу.

— Гвоздя сюда, к стене. Проход освободим. Егор, попробуешь между переносками. Только его не буди.

Шатов посмотрел на Мухина и убрал руку от кнопки. Зорина уже подбирала углы плащ-палатки.

Мухина перенесли. Выходов из зала было три: тот, которым вошли; старая дверь в боковой стене, ржавая, закрытая; и широкий проём в дальнем углу, за которым начиналась лестница вниз — бетонная, широкая, с перилами из трубы. Короб и кабели уходили туда же.

— Идём за кабелем, — сказал Серов Руденко. — Кто его обслуживает, тот снаружи приходит.

Руденко подошёл к лестнице и глянул вниз.

— Марш короткий, но крутой. Гвоздя — втроём. Где ставим, если что?

— Внизу. Если там ровно.

— Гляну. — Руденко передал пулемёт Волкову и ушёл. Вернулся через минуту. — Ровно. Ступеней десять, внизу площадка широкая, дальше коридор. Нормально.

Беседина тем временем задержалась у начала лестницы, разглядывая пыль под ногами.

— Командир, — сказала она негромко. — Глянь на пол.

Серов подошёл. Пол в зале был покрыт пылью — старой, серой, ровной, как снег на нетронutom поле. В ней отпечатались их собственные следы — свежие, чёткие, с рисунком подошв. И ещё один след.

От края верхней ступени через весь зал к ржавой боковой двери тянулась полоса шириной сантиметров шестьдесят, с размытыми краями, — будто по пыли протащили что-то тяжёлое, мягкое, не на колёсах. Внутри полосы пыль была сбита до бетона. По краям — два узких параллельных желоб-

ка, как от чего-то твёрдого, что волочилось следом. Полоса доходила до боковой двери и упиралась в неё. Обратной не было.

— Свежий, — сказала Беседина. — В желобках пыль не осела. Будь ему больше суток — хоть немного бы присыпало. Не присыпало.

— Что тащили?

— Не знаю. Тяжёлое. Широкое. Не ящик — от ящика края прямые. Что-то мягкое. Или в мягком.

Серов посмотрел на ржавую боковую дверь. Закрыта. Ручка — такая же, как на той, что вскрыл Волков, — по краю блестела чистым металлом, там, где за неё недавно брались.

— Волков. Эта дверь.

Волков осмотрел чистый край и осторожно нажал. Ручка не поддалась.

— Открывали. Недавно. Изнутри или снаружи — не знаю. Сейчас заперто.

— Вскроешь?

— Вскрою. Минут пять.

Серов прикинул. Пять минут. Дверь, за которую что-то утащили. След, который не вернулся. Мухин на плащ-палатке у стены. Лестница вниз, за кабелем, к тому, что работает.

— Потом. Если вернёмся этой дорогой. Сейчас — вниз.

Проходя мимо носилок, он ещё раз оглянулся на дверь. Чистый край ручки блеснул в свете фонаря. Из-за двери не доносилось ни звука. Мухин открыл глаза, почувствовав

движение под плечом, и Серов сказал ему, что сейчас опять будут ступеньки.

Руденко забрал у Волкова пулемёт. Волков и Шатов подняли носилки, Зорина поддержала ноги. Беседина пошла первой. На широкой бетонной лестнице в пыли отпечатались чужие рифлёные подошвы. Несколько пар. Вниз и вверх.

На середине марша Беседина остановилась и подняла руку. Группа встала.

— Свет, — сказала она.

Серов подошёл и посмотрел вниз, в пролёт.

За площадкой на стене лежал белый прямоугольник. Ровный свет новой панели — такой оставляют ночью в больничном коридоре, одну лампу над дверью. Серов опустил свой фонарь. Прямоугольник остался на бетоне. Никакая тень через него не прошла.

Где-то там, внизу, горел свет, который кто-то включил и никто не выключил.

Часть III. Не вернулись

Глава 9. Разрешённая зона

Моро присела возле карабина, но сначала провела фонарём по площадке и перилам. Потом вернула луч к оборванному ремню.

— Крови нет. Ни здесь, ни на железе.

Келлер глянул вниз, сквозь решётчатые ступени. Если человека унесли — оружие осталось здесь. Если ушёл сам — ушёл без него.

Новак тем временем разглядывал магазины.

— Наш калибр. Пять пятьдесят шесть. Один пустой, один полный. Что в приёмнике — не знаю, не трогал. Затвор на задержке — значит, предыдущий расстрелял до конца. Расстрелял, начал менять. — Он поднял оборванный конец ремня. — И здесь выронил. Его дёрнуло. Или его дёрнули.

— Кто?

— Не знаю. Что-то, что тянет за ремень сильнее, чем человек держит.

Новак ещё раз посветил на оборванный конец. Келлер думал, что он добавит другое объяснение. Тот только опустил фонарь, чтобы не слепить Моро.

— Разрядить и оставить. Не наше.

Новак вынул магазин из приёмника, проверил патронник. Разряженный карабин положил к стене; полный магазин держал в руке и оставил рядом с остальными. Пальцы оставили на чёрном корпусе две полосы в пыли. Келлер посмотрел на оружие у стены: теперь оно выглядело аккуратно сложенным, почти приготовленным к выдаче. Пришлось напомнить себе, как минуту назад магазин торчал из приёмника.

— Вниз. По одному. Бек — смотри лестницу.

Стальная лестница уходила в бетонную шахту двумя длинными крутыми маршами, по восемнадцать ступеней, с площадкой на консолях посередине. Под решёткой темнел нижний пролёт, а глубоко внизу горел тусклый жёлтый свет. Ступени гудели под ногами, как струны.

Бек спустился первым до площадки и посветил на стену.
— Шеф, глянь.

Келлер спустился к нему. Площадка держалась на стене бетонного колодца двумя способами: сзади — на стальной балке, уходящей в стену, и сбоку — на кронштейне с анкерами, вбитыми в бетонную полку, выступающую из кладки. Бек светил на боковой кронштейн. Один анкер был вырван наполовину: головка торчала из бетона больше чем на сантиметр, гайка перекошена. От анкера по полке шла одна длинная трещина — уходила за край площадки и терялась в глубине. На самом кронштейне — свежие яркие отметины, будто по нему чем-то били. Или стреляли.

— Пули, — сказал Бек, проведя пальцем по одной. — Ри-

кошет, скорее. Кто-то стрелял вниз, по пролёту, и попадал в железо. Анкер вырвало нагрузкой — кто-то тяжёлый упал на край, или что-то тяжёлое ударило.

— Держит?

— Держит. Пока. — Бек посветил на заднюю балку, потом попытался заглянуть под площадку, но не смог: задний узел прятался за бетонным выступом, и увидеть его можно было только снизу, с нижнего марша, да и то не целиком. — Сзади не вижу. Если сзади живое — людей выдержит. По одному, без прыжков. Если нести что-то тяжёлое — я бы сначала глянул снизу.

— Понял. По одному, — громче, для всех, сказал Келлер. — Без спешки. На площадке не скапливаться.

Спустились. Каждый проходил площадку быстро, но без рывков, и каждый, проходя, невольно косился на торчащий анкер. Келлер шёл предпоследним, перед Холмом, и слушал, как гудит под ногами железо.

Внизу был коридор.

У подножия лестницы Келлеру показалось, что они пришли куда собирались. Белые моющиеся панели, серый линолеум, загнутый на стены, светильники через один, как наверху. Так выглядели госпитали, где он бывал, и частный медицинский центр на побережье, где однажды охранял конференцию. И таблички привычные: «Процедурная-1», «Процедурная-2», «Пост медсестры», «Палата наблюдения», «Аптека», «Склад расходных материалов».

Он сверил их с планом. Всё на месте. Только у поста медсестры никто не поднял головы на звук восьми пар ботинок, сошедших с железной лестницы.

Комнаты проверяли по очереди, парами, как учили: один открывает и держит, второй входит и смотрит. Келлер с Сото взяли процедурные, Новак с Беком — аптеку и склад, Моро со Штайн — палату. Холм остался у подножия лестницы, развернув SCAR вдоль коридора; Рива с пулемётом встал у поворота, где коридор уходил дальше, к серой зоне на плане.

Процедурная-1 была чистой — почти. Стол, лампа, шкафы с инструментами, аппарат УЗИ, монитор на кронштейне — экран светился заставкой: логотип медицинской компании медленно плавал по синему полю. Сото задержался у аппарата, глянул на клавиатуру, потом на дверь за спиной Келлера. Ничего не было оторвано, ничего не приготовлено к выносу. На полу у стола — опрокинутый поднос, рассыпанные упаковки шприцев. На столе — смятая простыня с бурым пятном размером с ладонь.

Процедурная-2 была хуже. Здесь стреляли: в стеновых панелях дыры, ровные, на уровне груди, три в ряд, будто кто-то провёл очередью справа налево. Под дырами брызги на белом пластике, уже бурые. Кресло на колёсиках опрокинуто. У стены стоял аппарат ИВЛ — включённый, с зелёным индикатором, дыхательный контур свисал до пола, никуда не подключённый. Аппарат стоил больше, чем годовой контракт Келлера. Его не взяли. Его даже не выключили.

— Если б тут мародёрничали, — сказал Сото, глядя на аппарат, — первым делом взяли бы это.

— Тут не мародёрничали.

— А что?

— Не знаю, — сказал Келлер и вышел в коридор.

Новак с Беком вернулись из аптеки. Шкафы целы, сейфовая дверь заперта, на полках упаковки, ампулы, флаконы — всё на месте, судя по аккуратным наклейкам, всё по описи. На складе то же самое. Ничего не вынесено. Никто не искал наркотики, никто не ломал сейфы.

Моро вышла из палаты последней.

— Четыре койки. Все пустые. Бельё смято на двух. На одной следы фиксации: ремни на запястьях и щиколотках, расстёгнуты. Мониторы включены, датчики сняты. На одной капельница — висит, полная, катетер вырван, на простыне кровь. Немного. Как будто человек сам выдернул. Или ему выдернули, когда поднимали.

— Зачем их пристёгивали?

— В реанимации ремни бывают. Для возбуждённых пациентов, чтобы трубки не сорвали. Зачем здесь — не знаю.

Келлер вышел к повороту, где стоял Рива, и посмотрел дальше. Коридор продолжался ещё метров двадцать — те же белые панели, тот же линолеум — и упирался в двустворчатую дверь, широкую, с резиновыми уплотнителями и круглыми иллюминаторами в створках. Закрытую. Над ней табличка: «Зона В. Только для допущенного персонала». На

плане это была последняя прорисованная дверь. Дальше начиналось серое.

А по линолеуму, от палаты к этой двери, шли две параллельные полосы.

Чёрная резина, въевшаяся в светлый пол. Так проскальзывают колёса тяжёлой каталки на развороте. От палаты к двери. Несколько раз. Потом обратно — бледнее, будто каталку возвращали пустой. Потом снова туда.

— Вот, — сказал Новак, подходя. — Вывезли.

— Кого?

— Раненых. Пациентов. Кто тут лежал. После драки охрана или персонал утащили всех туда, глубже, где безопаснее. — Он кивнул на двустворчатую дверь. — Логично. Если наверху стреляют, людей тащишь вниз.

Келлер посмотрел на круглые окошки. Там могли работать врачи — занятые своими пациентами, уверенные, что верхняя связь пропала насовсем. Тогда достаточно было дать о себе знать. Он уже потянулся к рации, чтобы сообщить Тео, но Моро всё ещё разглядывала следы колёс, и он опустил руку.

— Элиза. Что скажешь?

Моро присела над полосами и посветила вдоль них.

— Каталку возили. Несколько раз. Туда — тяжёлую, обратно — лёгкую, это видно. Кого на ней возили — не видно. — Она подняла голову. — Если это эвакуация раненых — где следы помощи? В процедурной кровь, но ни упаковок от

перевязочного, ни жгутов, ни обёрток от гемостатиков. Если людей спасали, их кто-то перевязывал. Здесь их не перевязывали. Здесь их увозили.

— Может, там перевязывали, — сказал Новак, кивнув на дверь.

— Хотела бы я их увидеть, — сказала Моро, глядя на закрытые створки.

Келлер постоял ещё секунду и вызвал Тео.

— Тео, Келлер. Мы на нижнем уровне, медицинское крыло. Помещения по плану проверены. Следы стрельбы в процедурной, кровь, людей нет. Оборудование и медикаменты на месте, не тронуты. Палата пуста, на койках следы фиксации. Следы каталки ведут к двери в зону В, за пределы нашего плана. Почему нет людей — не установили. Повторяю: не установили.

Тео ответил сквозь шипение; первые слова пропали, потом голос прорезался:

— Принял. Медицинское крыло. Причина не установлена. К зоне В — только следы каталки. Передаю подрядчику.

Келлер дождался конца фразы. Связь пока держалась.

— Передавай.

У двустворчатой двери на стене висела серая панель — как на посту у ворот, только поменьше: кнопки, трубка на рычаге, табло. Подпись: «ЛЕСТН. Н / ВНУТР.». Зелёным горела одна кнопка: «ДЕЖ.».

Келлер снял трубку и нажал.

Гудок. Второй. На третьем гудок оборвался, в трубке щёлкнуло, зашуршало, и мужской голос — живой, усталый, сиплый, как у человека, который давно не спал и много говорил, — сказал по-английски с сильным акцентом:

— Да.

Ответа Келлер не ждал и на долю секунды замешкался.

— Руководитель группы реагирования по договору оператора. Мы на нижнем уровне, у двери в зону В. Кто со мной говорит?

Пауза. В трубке слышалось дыхание — частое, неровное — и что-то ещё на фоне: тихий ритмичный писк, как от медицинского монитора, и гул — то ли вентиляции, то ли какой-то большой машины.

— Техник. Я техник. Дежурный.

— Имя?

— Неважно. — Пауза. — Вы от оператора?

— От подрядчика оператора. По договору реагирования. Нас вызвали после ночного инцидента. Связь с площадкой потеряна в три сорок. Что у вас происходит?

— Здесь... — Голос замолчал, и Келлер услышал, как на том конце прикрыли трубку ладонью и заговорили с кем-то — неразборчиво, но, кажется, по-русски. Ладонь убрали. — Здесь была ситуация. Ночью. Сейчас под контролем. Частично. Я узнаю, кто может к вам выйти. Ответственный за площадку занят. Подождите.

— Сколько пострадавших?

— Есть пострадавшие.

— Сколько? Где они? Им нужна помощь? С нами медик.

— Пострадавшим оказывают помощь, — сказал голос, и два последних слова дались ему медленнее первых. — Им не нужно... Не надо входить. Пожалуйста. Не входите в зону В. Там оборудование. Не трогайте оборудование. Я узнаю, кто может выйти. Подождите на месте.

— Сколько погибло ночью?

Пауза — длинная.

— Я не могу сказать.

— Не можете или не знаете?

— Подождите на месте, — повторил голос, и связь прервалась.

Келлер ещё подержал трубку у уха. Связи уже не было, а он пытался вспомнить, в какой момент техник прикрыл микрофон — до вопроса о пострадавших или после. На том конце был кто-то ещё, и техник говорил с ним, прежде чем продолжить разговор. Слов за ладонью Келлер не разобрал.

«Не трогайте оборудование» — это он разобрал хорошо. Положил трубку на рычаг.

— Что он сказал? — спросил Новак.

— Чтобы мы ждали и ничего не трогали. Не пускает он нас туда сильнее, чем зовёт к своим раненым.

— Может, там правда что-то опасное, — сказал Бек. — Реактивы. Излучение. Инфекция. Медицинская же лаборатория.

— Может. Нам сказали — «особо опасных материалов нет, по имеющимся данным».

— Значит, данные плохие.

— Ответственный за площадку мог бы уточнить. Но он занят.

Семь сорок одна. Ждать, сказал техник. Подождите на месте. Ответственный занят.

В трубке наконец-то оказался живой человек. Сразу решить, что ему нельзя верить, было трудно: слишком долго они пытались хоть до кого-то дозвониться. Келлер посмотрел на Моро. Она стояла рядом, ждала его решения, но сумку не ставила. За дверью могли лежать те, к кому она сейчас нужна, — и могли быть люди, которые только что стреляли в процедурной.

— Ждём пять минут. Потом звоню снова. Не выйдут — решаем, идём ли за дверь. До тех пор держим этот коридор. Холм, Рива — позиции.

Холм поднялся от подножия лестницы и встал так, чтобы держать сразу двустворчатую дверь в конце коридора и боковой проход, уходящий направо от поворота, — узкий, тёмный, с одной лампой где-то в глубине. Сместился к стене, за угол дверного проёма аптеки, держа в поле зрения Моро у колёсных следов: ствол SCAR проходил сбоку от её головы. Моро, не поднимая глаз, отодвинулась на полшага влево, освобождая ему линию. Друг другу они не сказали ни слова.

Рива поставил пулемёт на сошки у противоположной сте-

ны, стволом на двустворчатую дверь, и лёг, подоткнув под локоть свёрнутую куртку. Остальные разошлись по углам: Новак — к процедурной, Бек — к лестнице, Штайн — к боковому проходу, тепловизор наготове.

— Нина. Что у тебя?

Штайн подвела прибор к краю двустворчатой двери и опустила.

— Закрывается плотно. В окошках — моё отражение. — Она перевела тепловизор на боковой проход и замерла. — Тут. Подожди.

Келлер подождал.

— Тут... — Штайн нахмурилась. — Тепловое пятно. В конце прохода, у поворота. Из-за угла торчит край. Высоко — на уровне головы, если человек стоит. Неподвижное.

— Человек?

— Не знаю. Край тёплый. Может, лампа. Может, кто-то стоит за углом. Целиком не вижу.

Келлер тихо сказал по общей связи:

— Внимание. Боковой проход направо. Тепловое пятно у поворота, на уровне головы. Видно только край. Не опознано. Огонь без команды не открывать. Сото — ко мне.

Сото подошёл, прижимая локоть к подсумку, чтобы не задеть Моро. Того, что увидела Штайн, он ещё не видел и смотрел на Келлера, ожидая, с какой стороны брать проход.

— Займи угол у прохода. Выйдет кто оттуда — первым видишь ты. Окликаю я. Ты держишь.

— Понял, шеф.

Сото встал за угол дверного проёма у начала бокового прохода, прижался плечом к стене, поднял карабин. Келлер встал за ним, на полшага сзади и левее, чтобы видеть проход поверх его плеча. Рива оставил пулемёт на двустворчатой двери, держа второе направление.

Пять минут, отведённые на ожидание, прошли. Никто не вышел. Интерком молчал.

Келлер уже собрался вернуться к панели и позвонить снова, когда Сото сказал очень тихо:

— Движение.

Из-за поворота в конце бокового прохода, метрах в пятнадцати, вышел человек.

Под лампой стали видны чёрный бронежилет с нашивкой охраны объекта, шлем с поднятым стеклом, тёмная ткань до самых глаз. Карабин стволом в пол. Короткий — такой же, как на лестнице.

— Назовите себя! Оружие на пол! — Келлер повторил по-русски, оставляя Сото впереди.

Человек стоял под лампой. Голова чуть склонилась набок; Сото плотнее вжался плечом в стену.

— Палец на спуске, — сказал он.

— Вижу. Держи.

Келлер смотрел поверх его плеча на карабин и нашивку. Их вызвали после стрельбы. Этот человек мог быть одним из тех, кому нужна помощь; глаза оставались в тени поднятого

стекла. Келлер сдвинулся к краю проёма, оставаясь за Сото.
— Мы от оператора. Опустите оружие.

Человек повернул голову к лампе. Свет прошёл по переносице, по скуле и задержался у края левой брови.

Белая прядь. Несколько волосков у виска.

Келлер помнил, как она темнела, когда этот человек снимал мокрый шлем и вытирал лоб рукавом. В ухе ещё звучал голос Сото: палец на спуске. В проходе стоял человек, которого две недели назад Новак видел мёртвым.

Келлер открыл рот. Имя застряло.

Глава 10. Тот, кого оставили

— Стефан, — сказал Келлер.

У процедурной скрипнули ботинки. Новак выдохнул что-то по-чешски и шагнул к проходу.

— Держи его, — сказал Келлер Сото. — Не стрелять.

Человек под лампой повернулся. Сначала шлем, потом шея, плечи; под курткой выпер угловатый каркас. Глаза открыты. Келлер ждал, что они на ком-нибудь остановятся.

— Стефан. Это Томаш.

Левая рука подняла цевьё. Плечо пошло вверх, а локоть вывернулся наружу — с треском распоров рукав. Ствол провалился к полу и тут же метнулся поперёк прохода. Сото вжался в стену, держа прицел на груди.

— Ствол на нас идёт, — сказал он.

— Слышу.

— Огонь! — выкрикнул Сото.

Он выстрелил, не дождавшись команды. Две пули — в бронежилет. Человека качнуло на полшага назад, и Сото дал ещё две: в грудь и выше, в левое плечо. Сквозь хлопки пробился металлический лязг. Угловатый каркас дёрнуло, левая рука повисла.

Цевьё клюнуло вниз. На миг Келлер решил, что это всё.

Правая кисть продолжала разворачивать карабин. Приклад ушёл в сторону, ствол вернулся на линию Сото, и под

лампой полыхнуло.

Три патрона, может, четыре. Келлер увидел, как Сото дёрнулся перед ним. Карабин выпал из рук и повис на ремне. Сото тяжело осел на пятки, спиной к стене, и прижал ладонь к горлу, над краем бронежилета.

Между пальцами сразу потекло тёмное.

— Сото ранен! — Келлер не узнал собственного голоса.
— Холм! Холм, проход!

Келлер стрелял через голову Сото. Прицел шёл ниже лица, ниже белой пряди; он свёл его на бедро, потом на колено. Чёрная ткань дёргалась от попаданий. Ещё выстрел — левая нога подломилась, человек опустился на одно колено. Келлер ждал, что теперь-то он выпустит карабин. Карабин в правой руке качнулся, ствол на секунду ушёл в пол — и начал подниматься снова. Медленно, рывками, но подниматься.

— Холм!

— Не вижу! — заорал Холм из-за угла аптеки. — Ты на линии! Сото на линии! Сдвинься!

Келлер шагнул за угол влево, ухватил Сото за лямку и потащил за собой. Ремень врезался в ладонь. Ноги раненого остались в проёме; пришлось дёрнуть ещё раз, упираясь коленом в пол. Только когда Сото целиком оказался за стеной, Келлер отпустил лямку и дал Холму стрелять.

На линолеуме осталась полоса. Сото цеплялся ему за рукав.

— Рива! — крикнул Келлер, падая на колено рядом. —

Дверь держи! Не проход — дверь!

— Держу дверь! — Пулемёт Ривы стоял на сошках у противоположной стены и смотрел на двустворчатую дверь зоны В. Рива не сдвинул его ни на сантиметр.

А Холм, получив чистую линию, выстрелил.

SCAR ударил тяжело, басом; с потолочной панели посыпалась пыль. Один выстрел. Пауза — Холм смотрел в прицел. Второй. Пауза. Третий.

Келлер лежал рядом с Сото, прижимая свою ладонь поверх его ладони к горлу. Проход остался за спиной; перед ним было лицо раненого. Сото смотрел широко открытыми глазами — внимательно, с усилием, как смотрят, когда очень хотят услышать ответ.

— Моро!

— Иду!

Холм выстрелил в четвёртый раз. Потом доложил — громко, отчётливо, как на стрельбище:

— Цель на полу. Правая рука перебита. Оружие выпало. Цель двигается.

— Как двигается?

— Шевелится. Головой. Левой рукой. Ползёт к оружию.

Моро упала на колени с другой стороны, отпихнула руку Келлера, рванула застёжку бронежилета, разодрала ворот. Келлер освободил руки и посмотрел в проход.

Человек под лампой лежал на боку, наполовину на спине, раскинув ноги; одна вывернулась в колене назад. Шлем сле-

тел и откатился к стене. Ткань, закрывавшая лицо, сползла на шею. Правая рука, перебитая выше локтя, лежала неподвижно, пальцы ещё сжимали воздух там, где минуту назад была рукоятка. А левая — та, у которой локоть гнулся не туда, — медленно, по сантиметру, тянулась по линолеуму к карабину, лежавшему в метре. Пальцы шли по полу, не выбирая опоры. Локоть выворачивался всё дальше, кожа над ним натягивалась, а движение не замедлялось. До карабина оставалось меньше ладони.

И голова. Голова поворачивалась к ним — к проёму, к Келлеру, — и глаза с белой прядью над левым смотрели прямо на него. Не мигая.

Келлер встал.

Он поднял руку Холму и остановился. Надо было показать, чтобы стрелял, — одно движение ладонью. За спиной Моро работала над горлом Сото; слышно было, как она зовёт его по имени. Келлер опустил руку и перехватил карабин.

— Холм. Держи. Я сам.

Он шёл по проходу медленно, держа карабин у плеча, глядя через прицел на левую руку, всё ещё тянущуюся к оружию. Десять метров. Семь. Пять. Рука дотянулась до цевья и сжалась. С пяти метров он разглядел пальцы: толстые, короткие, с широкими квадратными ногтями. Сначала показалось — распухли. Потом увидел, как коротко сходятся фаланги, когда кисть обхватывает цевьё. У Стефана пальцы были длинные: когда-то играл на гитаре и шутил, что поэтому

никогда толком не мог сжать кулак.

Рука начала подтягивать карабин к себе.

Келлер выстрелил в запястье, дважды, и пальцы разжались. Карабин остался лежать. Тогда он перевёл прицел на голову.

Лицо Стефана было совсем близко. Келлер видел его до мелочей: неровную короткую щетину на щеках; сухие губы, чуть приоткрытые; тонкий шрам на подбородке, которого у Стефана не было. Белую прядь в брови. Открытые глаза. Голова всё ещё поворачивалась к нему — медленно, рывками, — и рот открылся шире, но звука не было. Ни дыхания, ни стоны, ни хрипа. Только где-то внутри, под жилетом, под рёбрами, тихо и ровно щёлкало, как реле.

— Preparač, — сказал Келлер. Единственное слово, которое знал по-словацки: Стефан говорил его всякий раз, когда в тесной машине наступал кому-нибудь на ногу.

И выстрелил.

Щёлканье под жилетом стихло не сразу. Ещё два, три раза — с паузами, всё длиннее, — потом затихло. Вывернутая левая нога дёрнулась и замерла. Больше ничего не двигалось.

Келлер стоял над телом и ждал. Десять секунд. Двадцать. Не позволил себе отвернуться, пока не убедился: ни движения, ни звука. Потом сказал в общую связь, ровно, по-английски:

— Цель не шевелится. Повторяю: цель больше не шевелится.

Последние слова повторил тише, уже отпустив кнопку. Потом повернулся к коридору. Возле Сото было слишком тихо.

Моро сидела на коленях рядом с Сото. Руки красные до запястий. Она смотрела, как подходит Келлер, и он замедлил шаг, остановившись в двух метрах.

— Сонная артерия. И трахея, — сказала Моро. Она всё ещё держала у его шеи окровавленный бинт, хотя уже не прижимала. — Я пыталась, Мартин.

Келлер посмотрел на её руки.

— Он ушёл быстро, — добавила она. — Почти сразу.

Келлер кивнул.

Сото сидел у стены, свесив голову на плечо, глаза открыты и смотрят в пустоту. Рука ещё лежала у горла — теперь ослабленно, будто он просто устал и прислонился поправить воротник. Карабин висел на ремне. Келлер снял его, поставил на предохранитель и положил рядом.

Выпрямляться он не стал. «Ствол на нас идёт». Сото сказал это ровно, ещё оставляя ему время. А он ответил: «Слышу».

У машины Сото тоже ждал ответа от каждого, кому отдавал груз: «Взял? Скажи, что взял». Келлер пытался вспомнить, ответил ли тогда. Помнил короб у Новака, ремень в руках Ривы, собственный взгляд на часы. Своего ответа не помнил. Зато «слышу» отдавалось теперь отчётливо, той самой интонацией, с какой он произнёс его в проходе.

— Рива. Дверь?

— Чисто. Никого.

— Держи дальше.

— Держу.

Он поднялся и обвёл глазами коридор. Новак стоял у двери процедурной, опустив карабин, и смотрел в боковой проход — туда, где под лампой лежало тело. Келлер видел, как его правая рука медленно поднялась к нагрудному карману, к тому месту, где лежал конверт. Пальцы коснулись клапана — и замерли. Новак постоял так секунду, глядя в проход, потом опустил руку и застегнул кнопку, которая и так была застёгнута.

Он ничего не сказал. Келлер тоже.

— Элиза, — сказал Келлер. — Скажи, что это. Сейчас. Пока мы здесь и пока никого нет.

Моро вытерла руки о бинт, поднялась и пошла с ним в проход. Штайн — следом, с тепловизором на шнурке и камерой в руке; она уже снимала: проход, лампу, тело, лицо. Холм остался на своём углу. Бек встал у начала прохода, держа направление у Моро за спиной.

Моро присела над телом и долго его не трогала — смотрела. Потом надела свежие перчатки, расстегнула жилет охраны, отстегнула пластины.

Подняла край куртки — и замерла. Келлер сперва увидел свежие пулевые раны, потом длинную линию между ними. Он ждал, что она перевернёт тело, осмотрит спину, сделает

что-нибудь обычное. Она только отвела ткань дальше.

Линия оказалась швом. Старым, грубым; пули его повредили, но выше и ниже стежки уходили под края жилета. Келлер наклонился, проследил до конца. От ключицы вниз по груди тянулся длинный ровный рубец, грубо стянутый толстой нитью, и по разные стороны от него кожа была разной: с одной стороны тонкая, гладкая, с редкими светлыми волосками, с другой — грубее, толще, в старых мелких шрамах, с густым жёстким волосом. Левое плечо — то самое, где пуля Сото лязгнула о металл, — было открыто: под разорванной кожей виднелась стальная пластина, привинченная прямо к кости шурупами с широкими шляпками, а от неё вниз, к локтю, уходил блестящий стержень с шарниром, не имевшим ничего общего с тем, как устроен человеческий локоть. Вдоль стержня, на пластыре, тянулись две тонкие прозрачные трубки; в одной розоватая жидкость.

Рука, тянувшаяся к карабину, — левая, с толстыми квадратными пальцами — была пришита выше локтя. Шов шёл по кругу, как манжета. На предплечье под кровью синела татуировка: якорь и кривые домашние буквы. У Стефана никогда не было татуировок. Он их не любил.

— Это не одна травма, — сказала Моро очень тихо. Говорила по-английски, но так медленно, будто переводила с языка, который сама только что выучила. — Это вообще не травма. Здесь как минимум два человека. Может, три. Кожа разная, волосы разные. Рука — другого человека. Плечо —

искусственная опора, на кости. Трубки — для чего-то... Не знаю для чего. Может, питание тканей. Может, препараты. Я не знаю.

— Как оно двигалось?

— Не знаю.

— Элиза.

— Я не знаю, Мартин, — сказала она, подняв голову, и он впервые за день увидел, как у неё дрогнуло лицо. — Я вижу швы. Вижу металл. Вижу, что этому телу... что голове Стефана... что этому телу должно быть очень плохо, а оно стояло и стреляло. Как это работает — я не знаю. Я медик. Я не... не тот, кто это сделал.

На новой перчатке уже была кровь — там, где она придерживала край куртки. Келлер отступил, давая ей место, и больше не спрашивал.

Она приподняла голову тела — бережно, двумя руками, как приподнимают голову живому пациенту — и посмотрела на затылок. По линии роста волос, от уха до уха, шёл тонкий хирургический шов. Края сведены ровно; Келлеру пришлось наклониться, чтобы различить мелкие стежки.

Моро опустила голову обратно и долго сидела молча.

— Нина. Снять всё. Каждую деталь. Шов на груди. Плечо. Руку с татуировкой. Затылок. Лицо.

— Снимаю, — сказала Штайн. Голос ровный, но рука с камерой дрожала.

Новак встал у Келлера за плечом и посветил на карабин

в метре от тела.

— Оружие?

— Оставь.

— Магазин почти полный. Наш калибр.

— Оставь. Не знаем, откуда оно и что с ним делали. Не наше.

Новак разрядил карабин — так же аккуратно, как тот, наверху, — и положил к стене.

— Я видел, как его убило, — сказал он, глядя в стену. — Мартин. Я видел. Пуля в грудь, он упал и не шевелился. Я был в двадцати метрах. Я видел.

— Я знаю.

— Значит, его убило. Значит, это... — Новак замолчал.

— Значит, его подобрали. Мёртвого. Привезли сюда. И сделали... вот это.

— Мы не знаем, что они сделали.

— Мы видим, что они сделали.

Он отошёл к началу прохода, к телу Сото. На часах было семь пятьдесят три.

Келлер пересчитал людей в коридоре. Семеро, считая себя. Задание требовало найти пострадавших и установить характер происшествия. Он посмотрел на Сото, на кровь у стены, потом на план, торчавший из нагрудного кармана. Серая часть листа начиналась сразу за дверью, которую им не велили открывать.

До этой минуты находки можно было передавать дежур-

ной по порядку. Теперь первой строкой доклада шла фамилия его человека.

Он вызвал Тео.

— Тео, Келлер. Слушай внимательно и записывай. Первое. Потеря: Сото. Убит. Повторяю — Сото убит. Второе. Противник: человек в форме охраны объекта, вооружён, на оклик не отвечал, открыл огонь. Опознан как Стефан Ковач, погибший две недели назад на нашем прошлом контракте. Повторяю: опознан как Ковач. Тело — не человек в обычном смысле. Сшито из нескольких тел, с металлическими имплантами. Медик подтверждает. Ведём съёмку. Третье. Объект — не то, что заявлено. Как слышишь?

Пауза. Долгая. Потом голос Тео — тихий, сбитый:

— Слышу. Повтори про Ковача.

Келлер повторил.

— Принял, — сказал Тео. — Сото убит. Противник — Ковач, сшитый, импланты. Объект не соответствует. Передаю.

— Передай ещё. Слово в слово. «Руководитель группы требует подтвердить: кто именно со стороны оператора дал сведения об объекте. Фамилия, должность. Кто подписал описание „медицинская исследовательская площадка, особо опасных материалов нет“. Кто подписал план помещений. До получения ответа группа работает только в пределах установленного и сведения оператора достоверными не считает».

Тео повторил — медленно, по частям, дважды переспросив.

— Передал, — сказал он наконец. — Ответили: «Принято. Запрос передан руководству оператора».

«Принято. Передан». Келлер этот ответ знал. Сегодня он слышал его уже дважды.

Он ещё секунду смотрел на Сото у стены, с рукой у горла. Потом повернулся к двустворчатой двери в конце коридора — той, за которую увезли каталку, — и к боковому проходу, где под лампой лежал человек с белой прядью в брови и чужой рукой.

Снова посмотрел на интерком. Можно было позвать техника, потребовать ответственного, ещё раз услышать «подождите». Келлер провёл большим пальцем по кнопке нарации и убрал руку. Ему нужен был человек, который стоял над этой головой и сделал ровный шов от уха до уха. С ним он хотел поговорить без трубки и без посредников.

Глава 11. После выстрелов

Моро закрыла Сото глаза.

Пальцы убрала не сразу: подержала ещё, потом отвела руку и посмотрела, останутся ли веки на месте. Остались. Сото сидел у стены, склонив голову к плечу; с закрытыми глазами он стал похож на себя утреннего — когда ждал у машины, пока остальные соберутся. Моро поправила ему воротник, хотя закрыть им рану уже было нельзя.

Потом достала из кармана маленький блокнот в непромокаемой обложке и записала: время — семь сорок девять, примерно; причина — огнестрельное ранение шеи, повреждение сонной артерии и трахеи; помощь — прижатие, тампонада, без эффекта. Подпись. Рядом со временем поставила значок «приблизительно» и задержала карандаш. «Без эффекта» заняло меньше строчки. Перечитала, проверила, не пропустила ли чего, и закрыла блокнот раньше, чем захотелось дописать.

— Его надо убрать из прохода, — сказал Келлер у неё за спиной. Голос обычный, рабочий; Моро, наверно, одна слышала, чего ему стоило сделать его таким. — Здесь простреливается. Пойдём дальше — не хочу идти мимо него.

— Склад, — сказала Моро. — Склад расходников. Там дверь, стеллажи, там не стреляют.

Перенесли вчетвером — Келлер, Новак, Бек и она сама. В

дверях пришлось остановиться и развернуться боком. Моро попросила поднять повыше; голова Сото откинулась, и Келлер перехватил его, прижав голову к своей руке. Никто не торопил. На складе было тесно, пахло картоном и спиртом. Моро освободила нижнюю полку у дальней стены, сдвинув коробки с перчатками, расстелила одноразовую простыню из чьей-то упаковки, и они положили Сото головой к стене. Руки она сложила ему на груди. Подумала — и сняла с его шеи арафатку: Сото носил её на каждом выходе, говорил, что от холода, а Риве однажды признался, что вязала мать. Накрыла ею лицо.

Келлер стоял в дверях и смотрел. Потом достал карандаш и на внутренней стороне двери, на белом пластике, крупно написал: «Д. СОТО. 07:49. ВЕРНЁМСЯ».

— Это не эвакуация, — сказал он, не глядя на неё, будто отвечал на вопрос, которого никто не задавал. — Мы его не вынесли. Мы его положили. Хочу, чтобы это было записано правильно.

— Я записала.

Он кивнул и вышел.

Моро осталась у полки. Упаковка с простынями раскрылась, край верхней вылез наружу; она заправила его, расправила смятую плёнку. С первого раза не закрылось. Попробовала ещё и поставила упаковку к стене, чтобы не разошлась. Только тогда повернулась к двери.

И вспомнила: подсумки.

Вернулась к Сото, приподняла край арафатки ровно настолько, чтобы не видеть лица, и проверила разгрузку. Три магазина из четырёх на груди целы; четвёртый, верхний, пробит той же очередью, что пришлась в шею, — корпус смят, пружина торчит наружу. Задние подsumки остались под телом. Моро просунула руку под плечо — и арафатка соскользнула со щеки. Она поправила ткань и вынула руку. Перевернуть его ещё раз сейчас она не могла. Отстегнула три целых магазина и короб ленты, который Сото с утра нёс для Ривы, — тот висел у него на боку на отдельном ремне, — и вынесла всё в коридор.

Рива взял короб молча. Магазины Келлер раздал: один Беку, два себе.

С Тео Келлер говорил у подножия стальной лестницы — там связь была чуть лучше. Моро слушала, сидя на корточках у своей сумки в двух шагах.

— ...повторяю: требуем медицинский приём на поверхности. У нас один погибший, тело оставлено внутри, на складе, нижний уровень. Раненых нет. Повторяю: раненых нет. Медицинский приём — на случай, если найдём пострадавших. Второе. Требуем уточнить задачу. Задача поставлена по сведениям оператора. Сведения не соответствуют обстановке. Подтвердите, остаётся ли задача прежней или группа выходит. Третье. Подкрепление. Есть ли возможность направить к объекту ещё одну группу?

Тео ответил через несколько секунд. Его голоса Моро не

слышала — видела только, как Келлер слушает, опустив голову и глядя в решётку ступеней.

— Понял. Повтори.

Пауза.

— Понял. Отбой.

Он повернулся к группе. Все в коридоре смотрели на него — Моро, Новак, Бек, Штайн, Рива у пулемёта, Холм на своём углу.

— Тео передал всё дежурному оператору. Оператор подтвердил получение. Медицинский приём подрядчик может организовать, но не раньше чем через полтора-два часа: ближайшая бригада на другом вызове, здесь же, в зоне. Подкрепления нет. Других групп у подрядчика на этом направлении нет, только мы. Задача без изменений, пока оператор не ответит. Оператор пока не ответил.

— А владельцы? — спросил Новак. — Те, кто платит за площадку. Их кто-нибудь спросил?

— Оператор говорит, что передал запрос «руководству». Кто это — не сказали. Когда ответят — не сказали.

— То есть мы одни.

— Мы — и Тео наверху. Тео с машиной, станцией и пистолетом. Он не подкрепление.

Моро вспомнила, как Тео у ворот освобождал себе место на столе. Скоро он прочтёт их доклад кому-нибудь, кто тоже переспросит про Стефана, — а потом останется в будке ждать следующего вызова. Хотелось попросить Келлера пе-

редать ему пару слов от неё. Не придумала каких. Сумка лежала раскрытой, и Моро вернулась к ней.

Новак подошёл, когда она переключивала сумку.

Сел рядом на пол, положил карабин на колени. Обычно он заговорил бы сразу — за три года Моро привыкла к его коротким вопросам, за которыми уже стояло решение. Сейчас Новак только смотрел, как она переключивает упаковки из кармана в карман. Моро закончила и повернулась к нему.

— Элиза, — сказал он наконец. — Скажи прямо. Это был он? Или нет?

Она закрыла сумку.

— Что именно ты хочешь знать?

— Стефан это был или кто-то, кого сделали похожим. Маска. Пересадка лица. Двойник. Не знаю. Что-нибудь.

Он так пристально смотрел ей в лицо, что Моро отвела глаза на его карабин. Можно было сказать: не Стефан. Тело и правда принадлежало не одному человеку. Но Новак спрашивал про того, кто стоял под лампой, а у неё в руках ещё жила тяжесть этой головы, когда она смотрела шов. Она снова подняла глаза.

— Лицо — его, — сказала она медленно. — Ни маски, ни грима я не увидела. Голова, скорее всего, его. Что сделали с тем, что внутри неё, — не знаю.

— Значит, он.

— Голова — его. Тело — нет, ты сам видел. А двигалось ли оно потому, что внутри был Стефан, — я не знаю, Томаш.

И здесь не узнаю.

Новак слушал, глядя на свои руки.

— Я верю тому, что ты видел тогда, — сказала она тише.

Он потёр ладонью колено, оставив на ткани тёмный след.

— Больше я сказать не могу, Томаш.

— Я надеялся, что ты скажешь.

— Я знаю.

Новак взял карабин и встал. Моро тоже начала подниматься, но он уже отошёл к Беку. Она осталась сидеть. В Братиславе его ждала сестра Стефана. С ней он, наверное, начнёт так же: сядет, положит руки на колени и будет искать первые слова. Моро взялась за застёжку сумки. Застёжка была уже закрыта.

Интерком зазвонил в восемь ноль одна.

Высокий повторяющийся писк резанул уши. На панели у двустворчатой двери замигала кнопка «Б», ниже дежурной. Келлер подошёл первым и снял трубку. Моро поднялась следом: такой звук она слышала на сестринском посту, когда больной жал кнопку вызова.

Трубка была старая и громкая — Моро стояла рядом и всё слышала.

Сначала шорох. Потом дыхание, частое, хриплое, у самого микрофона. Потом голос — мужской, молодой, по-русски, сорванный, шёпотом:

— ...Кто это? Кто это? Вы не из них? Помогите... Нас тут... Мы тут... Ради бога, кто-нибудь...

Моро придвинулась к трубке. Переводить про себя не пришлось: так просят о помощи в любой приёмной, этими самыми словами. Человек боялся, что ему не ответят. Келлер прижал трубку плотнее, и ей пришлось наклониться к его плечу, чтобы не потерять голос.

— Мы группа реагирования, — сказал Келлер по-русски, медленно, чётко. — Где вы? Сколько вас? Вы ранены?

— Двое нас... мы... Они... — Голос сорвался — то ли в кашель, то ли во всхлип. — Мы в... я не знаю, где мы. Тут ремни. Тут...

Щелчок. Голос пропал, будто выдернули провод. Тишина — секунда, две. Потом второй щелчок, и в трубке зазвучал уже знакомый голос — тот самый, сиплый, усталый, по-английски с акцентом:

— Это была ошибка. Не обращайтесь внимания. Это пациент. Он... не в себе. После ночи. Дезориентирован. Ему оказывают помощь.

— Где он? — спросил Келлер по-английски. — Где этот пациент?

— Ему оказывают помощь.

— Где?

— В зоне Б. Это не ваша зона. Пожалуйста. Не надо... Подождите на месте. Ответственный скоро к вам выйдет.

— Ваш охранник только что убил моего человека, — сказал Келлер очень тихо. — Охранник, который две недели назад был мёртв. Вы понимаете, о ком я?

Пауза. На этот раз такая долгая, что Моро решила — связь оборвалась. Потом голос сказал, уже без запинок, на одном выдохе:

— Подождите на месте.

Щелчок. Тишина.

Келлер медленно повесил трубку.

— Что ты услышала, Элиза?

— Он спрашивал, кто мы, просил помощи, говорил про ремни. Потом его перебили. В каком он состоянии — не знаю. Но он живой, и, по его словам, с ним ещё кто-то.

— А техник?

— Не дал ему договорить. Сказал: «Зона Б». Где её искать и сколько там людей на самом деле — не знаю.

Келлер посмотрел на табличку «Зона В», потом на кнопку «Б». Моро казалось, он сейчас снова снимет трубку, но он убрал руку от панели. Они стояли у двери, а голос пришёл из места, которого на их плане не было. Келлер повернулся к группе; прежде чем заговорить, он посмотрел в сторону склада.

— Где зона Б, мы не знаем, — сказал он всем. — На плане её нет. Зона В — за этой дверью, туда увезли каталку. Зона Б может быть за ней, может быть в другой стороне, может быть на другом уровне. Не знаем, сколько там людей, кто их держит и чем вооружён. Знаем, что там минимум один живой, который просил о помощи, и минимум один, кто очень не хочет, чтобы мы его нашли.

— Идём? — спросил Рива.

— Не так. Слушайте. Мы не лезем во всё подряд. Проверяем то, что рядом: боковой проход, откуда вышел... Ковач. Он откуда-то пришёл. Там, может, есть ход к другим помещениям. Проходим до первого поворота и до первых дверей. Смотрим. Ничего не вскрываем без моей команды. Путь к лестнице всё время держим открытым. Бек у лестницы. Рива на двустворчатой двери, как сейчас. Холм с нами, на проход.

Он посмотрел на Новака.

— Томаш. Ты вторым, за мной. Если увидишь что-то, что не сходится, — что угодно, — останавливаешь. Не спрашиваешь меня. Останавливаешь. Я подчинюсь.

Новак долго смотрел на него — так же, как утром у машины, когда Келлер пообещал съездить с ним к сестре Стефана.

— Хорошо, — сказал он.

Пока Келлер расставлял людей, Моро смотрела на Штайн и Холма.

Холм держал проход через прицел, Штайн смотрела туда же в тепловизор. Моро привыкла, что они почти не разговаривают: одно слово, короткий взгляд — и оба уже знают, куда смотреть дальше. Теперь Нина задерживалась на каждом углу.

— Справа чисто, — сказал Холм.

Прибор она не опустила.

— Нина. Справа вижу стену. Дальше выступ, за ним не вижу.

— Да. Подожди.

Штайн посмотрела ещё раз и только тогда перевела прибор. Холм больше ничего не сказал. Когда Нина повернулась к другому краю прохода, он снова вслух назвал, что видит, и подождал, пока она закончит. Моро заметила, как Нина прижимает локоть к груди, чтобы удержать тепловизор неподвижно; на рукаве темнело пятно пыли — туда, где она лежала, когда стреляли.

Рива у Minimi тем временем пересчитывал остаток. Короб Сото он пристегнул рядом со своим поясным, но ремешок всё ещё держал в пальцах. Заговорил, глядя на него:

— Duecento...

Дальше быстро что-то по-итальянски. Келлер обернулся, и Рива замолчал, будто только сейчас его заметил.

— Маттео. На общем, пожалуйста. Для всех.

Рива посмотрел на Моро, потом на Новака и начал заново, по-английски:

— На пулемёте двести. В запасе четыреста. Двести у меня, сто вот тут. Ещё сто у Томаша.

На последнем числе голос выровнялся. Рива выпустил ремешок и положил руку на рукоятку.

— Принял, — сказал Келлер.

Моро вернулась к сумке. Нужно было пополнить то, что ушло на Сото: тампоны, бинт, перчатки, гемостатик. Расстегнула боковой карман и стала раскладывать упаковки на линолеуме, как раскладывала всегда: тампонирующие слева,

давящие повязки посередине, жгуты справа. Руки работали сами.

Застёгивая карман, она увидела, как Рива перекладывает ленту, и заметила его правую руку: костяшки содраны о бетон, когда он ставил пулемёт на сошки, кожа висит лоскутами, в ссадинах серая пыль.

— Дай руку.

— Ерунда, Элиза. Царапина.

— Дай руку.

Протянул. Она промыла ссадины из флакона, вычистила пинцетом пыль — каждую крупинку, не торопясь, — обработала, наложила повязку, виток к витку, оставив пальцы свободными для спуска. На последнем витке вернулась к краю и поправила его ещё раз. Рива руку не отнимал. Когда она наконец подняла глаза, оказалось, что он смотрит на неё, а не на бинт. Моро отпустила его пальцы.

Рива пошевелил ими, проверяя повязку.

— Спасибо.

Моро кивнула и закрыла сумку.

— Элиза, — позвал Келлер. — Готова?

— Готова, — сказала она и встала.

Группа выстроилась у начала бокового прохода. Келлер первым, Новак вторым, Холм с SCAR третьим, Моро за ним, Штайн замыкающей, тепловизор назад. Бек остался у лестницы. Рива — у пулемёта, лицом к двустворчатой двери.

Келлер шагнул в проход. Под лампой, метрах в двенадца-

ти, лежало то, что было Стефаном, накрытое его же курткой: Новак накрыл его, пока все были заняты другим, и никто не видел когда.

Шли медленно, вдоль стены. Проход был узкий, бетонный, без белых панелей: здесь медицинская часть кончалась и начиналось старое, серое. На голом бетоне лежала пыль, истоптанная следами. Много следов. Разных. Моро различала отпечатки ботинок — рифлёных, больших; отпечатки медицинских бахил — гладких, бесформенных; и ещё одни, которые сначала не поняла: широкие, плоские, без рисунка, с неровным краем, будто кто-то шёл босиком, а ступня у него была не человеческой формы.

Она ничего не сказала. Ещё не знала, что сказать.

У поворота, где проход уходил вправо, Келлер поднял руку. Группа встала. Моро глянула на часы: восемь ноль пять. И услышала голос.

Он шёл сверху и сбоку, из квадратной ржавой вентиляционной решётки под потолком. Далёкий, искажённый жестью короба, но отчётливый. Мужской. Короткая фраза, отрывистая, по-русски:

— Взяли. Раз, два — подняли.

Пауза. Шорох. Чьё-то тяжёлое дыхание — будто поднимают груз. И тот же голос, тише:

— Ногу береги. Ровно. Пошли.

Через несколько секунд, ещё тише:

— Здесь. Ставь.

Моро замерла, дослушивая паузу после команды. Сначала взялись, потом подняли — голос ждал, пока все будут готовы. Ровно так всегда ждали её саму, когда приходилось подхватывать носилки со стороны ног. Она смотрела на решётку, представляя руки по ту сторону бетона, и ждала следующего слова.

Келлер тоже повернул голову.

— Несут раненого, — сказала она тихо. — В ногу. Слышал — «береги»?

Он кивнул, не отрывая взгляда от решётки. Это был другой голос — не тот, что велел им ждать у двери.

Команды смолкли; донеслись далёкий шорох, скрип и короткий выдох.

— Персонал? — шёпотом спросил Новак.

— Не знаю, — сказала Моро. — Но этот человек раненых уже носил. Мне так кажется.

Глава 12. Следы внутри

Свет командного уровня Беседина увидела ещё на спуске. Из зала с мёртвой вентиляцией вёл короткий крутой марш, за ним открывался широкий бетонный коридор. Между железными каркасами старых плафонов висела светодиодная панель на четырёх стальных тросиках; под ней по стене тянулись оранжевый кабель и маркированный короб. Фонари можно было выключить. Серые следы, трещины, потёки под потолком — всё проступило разом, без привычного обрыва за краем светового пятна. Серову пришлось заставлять себя смотреть дальше освещённого участка.

Он остановил группу у подножия лестницы и долго смотрел вдоль коридора.

Через каждые пять-шесть метров по обе стороны стояли тяжёлые стальные двери. Над ними сохранились эмалированные таблички: «Оперативный дежурный», «Узел связи — 1», «Узел связи — 2», «Шифровальная», «Командный пункт. Вход по списку». Серов читал их подряд. В таком коридоре он бывал — только там двери открывались, из-за них звали, кто-то сидел на связи в ожидании смены. Здесь зелёная краска выцвела, как наверху в тамбуре. Часть створок застыла на ржавых петлях, приоткрытая на ладонь, часть стояла на засовах. За эти засовы, судя по пыли, давно никто не брался.

Три двери — две справа и одна в конце коридора — были другими. Новые полотна, серые, гладкие, вставленные в старые проёмы на новых коробках, с врезными замками и маленькими чёрными считывателями карт рядом. На одном считывателе горела красная точка. Два других не светились вовсе.

— Переделали, — негромко сказал Волков, остановившись у ближней новой двери. Провёл лучом по коробке, не касаясь. — Старую коробку вырезали, новую посадили на анкера. Швы свежие. Гражданская, противопожарная. Хорошая дверь. — Он поднял фонарь к коробу над проёмом. — Похоже, вместе с кабелем ставили.

— Что за ней?

— Не знаю. — Волков посветил на табличку: старая эмаль, «Узел связи — 2». — Была связь. Теперь что-то другое. Таблички не меняли. Плевать им было, что тут написано.

Серов кивнул и пошёл вдоль левой стены. Мухина несли сзади Руденко и Шатов на плащ-палатке, Зорина шла у головы. Беседина — впереди Серова, автомат у плеча, фонарь погашен: здешнего света хватало.

Метров через тридцать коридор расширился в небольшой холл — квадратный, с колоннами по углам, — и в этом холле Серов увидел то, от чего поднял руку и остановил всех.

Поперёк холла, от колонны до колонны, стояла баррикада. Два металлических стола на боку, между ними повален

шкаф. Промежутки забиты серыми пластиковыми ящиками с английскими надписями. Серов видел ножки столов, распахнутый шкаф, изнанку щитов. Здесь стояли те, кто оборонялся. Дальше, за линией столешниц, холл сужался в коридор, уходивший вниз и вправо. Все щиты были развёрнуты туда. Серов всё ещё держал руку поднятой; за спиной Руденко вполголоса попросил Шатова опустить носилки. Они вышли к баррикаде с тыла — а за ней надо было смотреть в глубину объекта.

— Беседина. Смотри. Только с этой стороны. За баррикаду не суёмся.

Беседина легла у колонны, положив автомат перед собой. Отсюда баррикада открывалась сбоку, а поверх неё — дальний коридор. До столов было метров десять. Она подняла бинокль.

— Столы пробиты, — сказала она через полминуты. — Много. С той стороны в эту. Били из коридора по столешницам. Некоторые насквозь. — Пауза. — За баррикадой гильзы. Много. Латунь, мелкие. Пять пятьдесят шесть, похоже. Ещё покороче несколько — пистолетные, может. Оружие: вижу один карабин, на полу за столом. Ещё что-то длинное у шкафа — не разберу, может, гладкоствол. Магазины пустые, россыпью.

— Люди?

— Нет. Крови много. На полу за баррикадой, на шкафу, на стене у колонны — брызги, высоко. Полосы — от баррикады

в сторону дальнего коридора. Будто волокли. Тел нет.

У ближнего стола Серов различил рукоятку карабина. До неё можно было дотянуться, встав на колено за щитом: человек бросил оружие там, где стрелял. Серов посмотрел на шкаф, на высокие брызги у колонны. Дальше, вдоль коридора, шли только полосы по полу. На стенах там не было ни отпечатка ладони, ни следа, за который можно было бы зацепиться взглядом и довести до выхода.

— Беседина. Это свежее?

Она долго не отвечала.

— Подсохла уже. Похоже, недавно. Часы, может, сутки. По виду точно не скажу. — Бинокль задержался на колонне справа. — А вот это другое. Видишь выбоины? В них пыль. Края выкрошились, внутри осело. Рядом свежие, белые. Эти старше. Насколько — не знаю. Может, неделя. Может, больше.

Серов посмотрел на колонну. Выбоины и правда были разные — круглые, неглубокие, с размытыми краями, будто припорошённые. А рядом свежие, яркие, острые, белые изнутри. Одно поверх другого.

— Здесь стреляли дважды. Раньше — и сейчас.

— Здесь стреляли минимум дважды, — поправила Беседина. — Может, больше. Я вижу две разных давности. Когда было первое — не скажу. По пыли точно не скажешь.

— Понял.

Он снова посмотрел на старые выбоины. Неделя, сказала

Беседина. Может, больше. Наверху, в зале с вентиляцией, след тоже уходил к двери — от лестницы к запертому боковому проёму. Кто-то тащил туда тяжёлое и обратно не вернулся.

Две недели назад пропал «Барс».

Хотелось спросить Беседину ещё раз, могла ли эта пыль осесть за две недели. Она лежала у колонны, не опуская бинокля, и он уже знал, что она ответит. Спросить сейчас — значит назвать срок вслух, при Руденко. Серов перевёл взгляд на коридор за баррикадой. Названия группы он тоже не произнёс.

— Командир, — позвал Волков.

Инженер стоял у стены холла, справа от входа, и светил на большой лист пластика, привинченный к бетону. Серов подошёл. Это была схема эвакуации — современная, напечатанная на пластике и прикрученная четырьмя саморезами поверх старой, выцветшей, военной. Стрелки зелёные и красные, значки огнетушителей, надписи на двух языках. «Вы находитесь здесь» — красная точка в квадрате холла.

— Смотри, — сказал Волков. — Это мы. Отсюда два пути. Вот этот, — он провёл пальцем по зелёной стрелке, уходящей из холла направо, — «Переход к приёмному блоку». Короткий, метров сорок. Через одну дверь. Приёмный блок — это, судя по всему, их вход. Которым они ходят. Выход наружу, к служебным воротам. С другой стороны бугра.

— А второй?

— Вот. — Волков повёл по красной стрелке, уходящей из дальнего конца холла — оттуда, куда смотрела баррикада, — вниз. — «Технический уровень. Только для персонала». Вниз, к техническим помещениям. Куда дальше — на схеме не нарисовано. Обрывается.

Серов смотрел на две стрелки. Зелёная — направо, сорок метров, одна дверь, выход. Красная — вниз, в глубину, туда, откуда стреляли в баррикаду.

— Для Гвоздя — верхний переход, — сказал за спиной Руденко. Он подошёл вместе с Шатовым, оставив Мухина с Зориной у стены. — Сорок метров по ровному — это два раза перехватить. Вниз — лестница, потом неизвестно. Лучше верхний.

— Лучше верхний.

Серов провёл взглядом зелёную стрелку до служебных ворот. За бугром могли ещё стрелять, но там хотя бы была земля под открытым небом и можно было вызвать машину. Он отступил от схемы, пропуская Шатова к Мухину, и снова повернулся к баррикаде. Красная стрелка уходила в тот самый коридор, куда вели тёмные полосы. Если пройти за поворот — только глянуть... Мухин у него за спиной втянул воздух сквозь зубы. Серов отвернулся.

— Шатов. Интерком?

На колонне у входа в переход, на высоте плеча, висела ещё одна серая коробка. Табличка: «П-3». Шатов подошёл, нажал кнопку. Знакомый писк, знакомое табло: «ВЫЗОВ:

ДЕЖ.». Гудки.

Один. Два. Три.

На четвёртом щёлкнуло.

— Да, — отозвался мужчина. Последний звук сорвался в хрип. — Кто это? Какой пост?

Говорил по-русски, растягивая гласные, смягчая согласные. Южный говор — точнее Серов не взялся бы сказать. Мужчина замолчал, но из динамика ещё доносилось его дыхание.

Шатов посмотрел на Серова. Серов шагнул к коробке.

— Пост «П-3». Кто со мной говорит?

Пауза.

— Это... дежурный техник. Вы кто? Откуда вы на «П-3»?

— Мы вошли через старый вход, с южной стороны. Его завалило. — Серов говорил коротко, отчётливо, взвешивая каждое слово. — Нам нужен выход. У нас раненый, тяжёлый. Нужна медицинская помощь.

— Сколько вас? — спросил голос сразу, будто этот вопрос был важнее раненого.

Серов посмотрел на носилки. Зорина уже расстегнула сумку. Техник всё ещё ждал числа; про медицинскую помощь придётся спрашивать снова.

— Семеро. Один идти не может.

— Семеро, — повторил голос. Потом шорох — трубку прикрыли ладонью — и что-то неразборчивое, кому-то другому. Потом снова: — Кто вы? Военные?

— Военные, — сказал Серов. Одно слово.

Ещё пауза.

— Не могу сказать, что здесь безопасно. Ни здесь, ни дальше. Я не знаю. После ночи... Я не знаю. Подождите. Я спрошу.

— У кого?

— Подождите, — повторил голос, и щелчок оборвал его на полуслове.

Табло погасло.

Серов остался у коробки. Шатов потянулся к кнопке, и Серов перехватил его запястье. Техник собирался кого-то спросить. Значит, сейчас про семерых военных у «П-3» узнают те, кто до этого звонка, может быть, и не знал.

— Дай ему время.

Он отпустил руку Шатова. Прежде чем называть число людей, стоило ещё раз спросить про врача. Теперь это казалось очевидным — а тогда ему просто хотелось, чтобы на том конце наконец поняли: один человек сам не дойдёт.

— Шатов. Не перезвонит — попробуй ещё. Ответит — зови меня.

— Понял.

— Идём верхним, — сказал Серов остальным. — Сейчас.

— Сначала переход проверим, — сказал Руденко. — Лена сейчас Гвоздя смотрит, у него повязка промокла, пока несли. Пока она работает, мы с Волковым проходим переход до двери. Смотрим, что там. Чисто — возвращаемся, берём Гвоз-

дя, идём все. Не чисто — тоже возвращаемся, и думаем. Не тащить носилки в коридор, который не видели.

— Это дольше.

— Лена его всё равно перевязывает. А мы успеем глянуть, куда понесём.

Серов посмотрел через плечо Руденко в переход. Хотелось самому дойти до конца светлого коридора и оттуда позвать остальных. Он уже начал поворачиваться, но за спиной Мухин снова втянул воздух сквозь зубы. Зорина ещё держала ножницы у промокшей повязки. Руденко стоял перед ним и ждал разрешения.

— Я хочу знать маршрут до конца. До самого выхода. Не до двери — до ворот.

— Я тоже хочу, — сказал Руденко. — Рома, мы до двери дойдём, пока Лена с ним возится. Если дальше можно — скажу. Но я не поведу Волкова за поворот и не буду тебе оттуда орать, что у нас стряслось.

Он кивнул на носилки и ждал, жуя свою вечную жвачку. Серов наконец отвернулся от перехода. Руденко держал фонарь голой правой рукой, и в больничном свете отчётливо был виден шрам — белый крюк от костяшек к запястью.

— Ладно. Ты и Волков. До двери, не дальше. Беседина держит баррикаду, я — переход с этой стороны. Шатов у ин-теркома.

— Принято.

Руденко с Волковым ушли направо, в переход. Серов

встал у входа так, чтобы видеть их спины и одновременно холл с баррикадой. Беседина у колонны держала дальний коридор — красную стрелку.

Зорина работала у стены. Серов подошёл, не выпуская переход из поля зрения. Она срезала промокший бинт; Мухин морщился, закусив губу.

— Командир, — сказал Мухин. Слабо, но внятно. — Вы из-за меня не стойте. Слышите? Если там выход — идите. Я тут полежу, потом за мной вернётесь. Если из-за меня не успеете — мне потом с этим жить.

— Никто из-за тебя не стоит. Руденко проверяет переход. Мухин помолчал. Потом скосил глаза на Зорину.

— Лен. Как мне лечь, чтоб им легче было? Скажи — я лягу. Сам не буду.

Зорина глянула на него поверх бинта — коротко, с удивлением, которое тут же спрятала.

— Руки на грудь. Здоровую ногу не напрягай, когда поднимут, — пусть висит. Голову не задирай, смотри вверх. Остальное мы сами.

— Понял. — Он сложил руки на груди, неловко, как складывают на казённой койке, и закрыл глаза.

Зорина подняла голову.

— Рома. Повязка насквозь. Рана опять кровит — не сильно, но кровит. Надо всё переделать, перетампонировать, жгут проверить. Нужно ровное место у стены. Здесь, у баррикады, работать не хочу.

Серов глянул на вход в переход.

— Вон там места хватит?

Зорина обернулась, прикинула расстояние до стены.

— Если мусор убрать. И оставить место по бокам.

— Шатов, расчисти. Носилки туда.

— Рома. Поднимать будете, когда я скажу.

— Слышал, Лен.

Шатов начал сгребать ногой обломки, обрывки изоляции, сгнивший картон. Крупный кусок бетона ногой не шёл — нагнулся и отнёс к стене. Серов проверил, где встанет голова Мухина. На стене напротив дрогнул свет: возвращались Руденко с Волковым. Серов шагнул навстречу, ожидая, пока лица станут видны за фонарями.

Руденко прикрыл ладонью стекло фонаря.

— Переход сорок метров, как на схеме. Чистый. Ровный. Пыль, но свежих следов много, разных, туда и обратно. В конце толстая стальная гермодверь. Новая. Открыта. Створка отведена к стене, на фиксаторе. За ней ещё коридор, светлый, современный, белые стены. Дальше не ходили.

— Открыта.

— Открыта. Только, Рома... Фиксатор механический, рычаг. С той стороны снимается. И у двери привод. Электрический, со щитком. Щиток живой, лампочка горит. Закреть её можно. С той стороны. В любой момент. И ещё — сбoku в стене окно. Остекление, толстое, в какое-то помещение. Тёмное. Кто там — не видно.

— Понял.

Серов посмотрел на расчищенный Шатовым пяточок — двадцать шагов, у входа в переход.

— Гвоздя туда. Лена работает там. Потом идём.

Руденко пошёл к носилкам. Присел у головы Мухина, взялся за углы плащ-палатки. Шатов — у ног. Зорина — сбоку, придерживая шину. Волков встал впереди с фонарём на переход.

— Взяли, — сказал Руденко. — Раз, два — подняли.

Мухин коротко застонал, когда плащ-палатка оторвалась от бетона.

— Ногу береги, — сказал Руденко Шатову тише. — Ровно. Пошли.

Пошли. Серов шёл последним, вполоборота назад, держа холл и баррикаду, пока Беседина отходила от своей колонны и догоняла.

— Здесь. Ставь.

Носилки опустили на расчищенное место у стены. Зорина сразу встала на колени и раскрыла сумку. Шатов выпрямился, вытер лоб рукавом и пошёл обратно к интеркому.

И тут Серов услышал звук.

Тяжёлый металлический лязг пришёл сбоку и снизу, из глубины служебной части. Сквозь бетон потянулся скрежет запора, который сдвигали с места; потом глухой удар. Под подошвами прошла слабая дрожь.

Потом тишина.

— Командир, — сказала Беседина, остановившись рядом.

— Слышишь?

— Слышу.

— Это не наш переход. Это где-то там. За стенами. Ниже.

— Знаю.

Серов слушал, пока не начали мешать звуки ближе — шорох упаковки у колен Зориной, короткий вдох Мухина. Он поднял ладонь, хотя никто не говорил. Лязг не повторился. Беседина всё смотрела на стену, за которой его услышала.

Гермодверь в конце перехода стояла открытой. Серов видел край створки у стены и тёмное окно рядом. За стеклом по-прежнему было темно. Кто-то только что сдвинул тяжёлый запор совсем в другой части объекта. Техник так и не перезвонил.

Он обернулся к носилкам. Зорина срезала очередной слой бинта, бережно отводя его от ноги, и Серов не стал её окликать. Снова посмотрел на дверь. Фиксатор могли снять раньше, чем она закончит, а до него было сорок метров. Серов стоял у начала перехода и ждал, не сводя глаз со створки.

Часть IV. Общий проход

Глава 13. Чужой провод

Шатов вызывал «ДЕЖ.» в третий раз, когда Серов к нему подошёл.

Связист стоял вплотную к колонне, склонившись к решётке, — так он работал на рации, когда связь еле держалась. Здесь гудки шли чётко, один за другим; можно было отойти на шаг и слышать так же. Шатов не отходил. Над его рукой на табло горело: вызов дежурного.

— Не отвечают. Гудки идут. Не берут.

— Ещё раз.

Позади, у стены, Зорина работала над Мухиным. Руденко и Волков стояли рядом: Руденко держал фонарь, Волков — край плащ-палатки, приподнимая его, когда Зориной надо было подлезть под ногу. Они уже прикидывали, как понесут его через переход — кто спереди, кто сзади, где перехватить. Долетали обрывки: «на сороковом метре порог», «нет, порога нет, ровно», «тогда без остановки». Серов не вмешивался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.